

Сказки

Сказки

Звездный Мальчик

Тяжело ступая, два дровосека возвращались домой по сосновому бору. Зимняя ночь была особенно холодна. Снег густо укутал землю и нависал большими шапками на ветрах деревьев. Мороз сковал даже тоненькие прутики. И лес вокруг был недвижим. Маленькая речка, сбегавшая с гор, замерзла и стала как каменная, когда дыхание Ледяного Князя коснулось ее.

Было так холодно, что даже звери и птицы замерзли, и никак не могли согреться.

"Уф! — проворчал Волк, ковыляя через чашу. Его хвост, как у побитой собаки, безвольно болтался снизу. Куда только смотрит Правительство?"

"Фьить. фьить! — запикала пестрая Коноплянка. — Старушка земля умерла, и ее покрыли белым саваном."

"Земля готовится к свадьбе, и примеряет свой подвенечный наряд, — закурлыкали голуби."

Их маленькие розовые лапки стали почти синими от холода, но они чувствовали, что здесь скрыта какая— то тайна.

"Чепуха! — огрызнулся Волк. — Я же сказал, — во всем виновато Правительство. А если кто мне не верит, я того съем". Волк был весьма практичен, и никогда за словом в карман не лез.

"Что до меня. — сказал Дятел, а он был прирожденным философом. — то все объяснения излишни. Жизнь такова, какова она есть. А сейчас она ужасно холодна."

Действительно, жизнь с лесу стала ужасно холодна. Бельчата, жившие в дупле высокой ели, терлись друг о друга носами, чтобы совсем не замерзнуть. А Зайцы лежали, свернувшись калачиком в своей норе, и не смели даже выглянуть наружу. Только Совы были в восторге. Их перья заиндевели и торчали во все стороны, но Сов это ни мало не волновало. Они выкатывали свои большие желтые глаза, и громко перекрикивались друг с другом: "У-ух! У-хо-хо! Чудесная погодка!"

Дровосеки упрямо продолжали свой путь. Они останавливались, долго дули на свои озябшие пальцы, приплясывали тяжелыми сапожищами по затвердевшему насту, пытаясь отогреть ноги, и опять шли вперед. Раз они провалились в глубокий бергшрудт, и вылезли оттуда белые, как мельник, взваливший на себя незавязанный мешок с мукой. Другой раз они поскользнулись на замерзшем болоте, а весь хворост разлетелся по льду. Пришлось его собирать и опять связывать в охапки. Однажды им показалось, что они потеряли дорогу, и их охватил ледяной страх. Дровосеки знали, как жесток Снег к тем, кто засыпает в его объятиях. Но они доверились Святому Николе-Чудотворцу, который помогает всем путешественникам, вернулись назад по своим следам, и осторожно двинулись дальше.

Наконец, они выбрались из леса. Далеко внизу, в долине, они увидели огоньки родной деревни. Дровосеки расхохотались от радости. "Вон где наш дом!" — повторяли они, и неуклюже хлопали друг друга по плечам.

Но потом они вспомнили, что ждет их дома, и им стало грустно. "Тут не до веселья, — сказал

один из них. — Жизнь устроена для богатых, а не для таких бедняков, как мы. Лучше бы мы замерзли в лесу, или нас задрал бы шатун."

"Ты прав, — ответил второй, — у одних все, у других — ничего. Вокруг одна ложь, и все, кроме горя, делится несправедливо."

Пока они так сетовали, на темном небосводе случилось что-то необыкновенное. Яркая красивая Звезда сорвалась со своего места, и покатилась на землю.

Открыв рты, дровосеки следили как она пролетела мимо луны, мимо других звезд, и, перейдя Млечный Путь, угодила прямо в их лес. Казалось, что она упала совсем рядом — там, за старыми ивами.

"Знатный, должно быть, кусочек золота, — решили они. — Хороший подарок тому, кто его найдет."

И дровосеки изо всех сил побежали к упавшей звезде. Очень уж им хотелось получить хоть немного золота.

Тот, кто бежал первым, продрался через заросли и выбежал на поляну. Ну и ну! На снеге и правда что-то блестело. В два шага дровосек оказался рядом и, нагнувшись, пристально посмотрел вниз. Там лежал свернутый в несколько раз плащ. Сделан он был из дорогого золотистого шелка, с вышитыми звездами.

"Нашел, нашел!" — закричал он своему приятелю. Когда тот добежал, они взяли сверток в руки, и начали бережно разворачивать его — ведь там было золото, которое еще надо было разделить. Увы! Там не было ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней. В плаще лежал крохотный ребенок, который спокойно спал.

"А мы то думали... — с горечью сказал один из них. — Что проку в этом младенце. Оставим его здесь, и пойдем дальше. Мы так бедны, что и своих детей прокормить не можем."

"Нет, — сказал другой. Нельзя бросить его здесь погибать от холода. Хотя я и бедняк, и каши в нашем котелке никогда не хватает на всех, но я возьму его с собой, и моя жена позаботится о нем.

Бережно взял он ребенка на руки и закутал его в плащ, чтобы жестокий Холод не дохнул ему на личико.

"Вот слюнтяй," — ругался про себя второй дровосек, когда они спускались в долину. Перед самой деревней он сказал: "Слушай, надо нам честно разделить находку. Если уж ты взял этого грудничка, оставь мне хотя бы плащ."

"Не могу, — ответил добрый дровосек. — Этот плащ не мой и не твой. Пусть он останется у ребенка." И дровосек пошел к своему дому.

"Милый мой! — крикнула от радости его жена, и бросилась к нему в объятия, — Я так за тебя волновалась. Страшный мороз!" Тут же она подхватила вязанку с хворостом, и отряхнула снег с его сапог.

Но дровосек не переступал порога. "Я что-то нашел в лесу, — тихо сказал он, и хочу, что бы ты об этом позаботилась."

"Замечательно! — ответила жена. — У нас так многого не хватает в доме." Муж развернул плащ и показал ей спящее дитя.

"Бог ты мой! — выронила она. — Неужели тебе мало наших детей, что ты принес этого подкидыша? А кто будет за ним присматривать?" И жена рассержено посмотрела на него.

"Это звездный мальчик", — ответил муж, и рассказал ей странную историю своей находки. Но жена лишь еще больше расстроилась.

"Разве ты не знаешь, что нашим детям не хватает хлеба, а ты хочешь, чтобы мы еще чужого кормили. Кто же нас накормит?"

"Тот, кто малых птичек питает, и нас не оставит."

"Малых птичек! Что, ты городишь! Разве ты не встречал в лесу окоченевших воробьев, без дыхания лежащих на земле, зайцев, задранных волками?"

Но муж молчал и по-прежнему не переступал порога. В это время порыв сурового ветра ворвался через открытую дверь, и жена вздрогнула. "Ты так и будешь держать дверь открытой, пока весь дом не выстудит?"

"В доме, где ледяное сердце, никогда не будет тепло" — ответил он. Жена промолчала и лишь ближе придвинулась к камину.

Когда она опять повернулась к мужу, глаза ее были полны слез. И тогда он вошел в дом, а жена нежно взяла ребенка в свои руки, поцеловала его и положила в кроватку к их младшему сынишке. Утром дровосек бережно сложил золотистый плащ и убрал его на самое дно старого сундука. Посмотрев на него, жена взяла янтарное ожерелье, которое было на шее мальчика, и тоже положила его в их единственный сундук.

Так Звездный Мальчик стал жить в семье доброго дровосека. Он рос вместе с его детьми, вместе они сидели за обеденным столом и вместе играли на улице.

С каждым годом он становился все красивее и красивее. Соседи часто удивлялись, почему, когда другие дети дровосека были смуглы и с черными, как смоль, волосами, этот ребенок был бледен и изыскан, как статуэтка из слоновой кости. Его золотые волосы колечками спадали вниз, а губы были похожи на лепестки алой розы. Глаза его напоминали фиалки на берегу чистого ручья, а нежные руки точно нарциссы на нетронутой опушке леса. Но красота не сделала его добрым. Совсем наоборот, мальчик рос гордым и жестоким (впрочем, это почти одно и то же). Он просто презирал жителей деревни, и даже своих нареченных братьев — детей дровосека. "Все они — простая деревенщина, а я — сын звезды," — привык говорить он. В детских играх Звездный Мальчик становился королем и остальных называл своими слугами. В нем не было ни капли жалости к нищим, слепым и убогим. Он бросал в них камни и выгонял обратно на большую дорогу. Так что никто, просящий подаяния, не заходил в их деревню дважды. Звездный Мальчик обожал красоту и ненавидел хромых и калек. Стоило им появиться на улице, как он начинал передразнивать и громко высмеивать их.

"Какие они уроды, — говорил он, — и как красив я".

В безветренные летние дни он ложился на берег маленького церковного пруда и часами любовался на свое отражение. Так это занятие нравилось Звездному Мальчику, что он смеялся от удовольствия.

И не раз добрый дровосек и его жена корили его: "Разве мы так поступили, когда нашли тебя? Почему же ты обижаешь тех, кто остался совсем один, и некому им помочь? Почему ты так жесток к тем, кому нужно сострадание?"

Старый деревенский священник часто посылал за Звездным Мальчиком и снова и снова старался научить его любить.

"Самую маленькую букашку сделал Тот же, Кто сотворил и тебя. Все звери и даже бабочки на лугу — наши братья. И птицы в лесу созданы свободными. Не расставляй силки ради забавы. Крот и серая мышка — Божьи творенья и живут там, где повелел им Господь. Кто ты, что приносишь страдание в мир Божий? Всякое дыханье и в лесу, и в небе, и в речке славит своего Творца, а ты оскорбляешь Его."

Звездный Мальчик молча выслушивал, что ему говорили, и снова возвращался на улицу. Приятели слушались его. Да и как можно было не подражать ему. — Он был красив и умен. Он умел замечательно танцевать и отлично играл на флейте. Деревенские мальчишки бежали туда, куда шел он, и делали, что он им скажет. Им было смешно, когда он протыкал острый тростинкой слепые глаза беспомощного крота, и вместе с ним они радовались, когда Звездный Мальчик закидывал камнями больного проказой. Им было по сердцу, все что он ни делал, и их сердечки становились такими же каменными, как и его.

Однажды через их деревню проходила бедная нищенка. На ней была ветхая разодранная одежды, а босые ноги были в крови от острых камней, которые валялись на дороге. Вид ее был жалок. Она еле шла от усталости, и дойдя до старого каштана присела отдохнуть.

Но тут ее увидел Звездный Мальчик. "Смотрите! — крикнул он своим приятелям. — Под этим благородным каштаном уселась какая-то грязная нищенка. Пошли, прогоним ее отсюда — она портит такой великолепный вид."

И он стал метать в нее камнями и громко насмехаться. Но нищенка только взглянула на него, и точно застыла, не в силах отвести от него взгляд. Ужас был в ее глазах.

В это время добрый дровосек колот огромным топором дрова у своего дома. Увидев, что вытворяет Звездный Мальчик, он подбежал к нему и дал хорошую оплеуху. "У тебя видно совсем нет сердца! Что тебе сделала эта несчастная женщина?"

От гнева Звездный мальчик покраснел, и, топнув ногой, крикнул: "Кто ты такой, чтобы мне пред тобой отчитываться? Я не твой сын, и не желаю тебя слушаться!"

"Ты прав, — сказал Дровосек. — Но ведь я же пожалел тебя, когда нашел в лесу."

Услышав это, нищенка вскрикнула и упала без сознания на землю. Добрый Дровосек подхватил ее, отнес домой. Его жена сразу же поняла, что случилось. Она положила мокрое полотенце на голову несчастной, и, когда та очнулась, они поставили перед ней всю еду, которая нашлась в их доме. Но нищенка даже не притронулась кушаньям.

"Скажите, — спросила она, — вы сказали, что нашли этого мальчика в лесу. Не десять ли лет назад это было?"

"Да, вот уж десять лет, как я нашел мальчика в лесу, и мы взяли его к себе."

"А вместе с ним ничего не было? Может на его шее еще оставались янтарные бусы? Может быть он был завернут в золоченный плащ с вышитыми звездами?"

"Правда ваша, так оно и было." И Добрый Дровосек, изрядно покопавшись в сундуке, достал оттуда плащ и бусы. Увидев их, нищенка вскрикнула от радости.

"Это мой сынишка, которого я потеряла в лесу. Умоляю, позовите его быстрее сюда. Десять лет я ищу его по всему свету."

Радостный Дровосек и его жена выбежали из дома и позвали Звездного Мальчика: "Скорее, скорее иди домой! Мы нашли твою маму, и она ждет тебя." Затаив радость, Звездный Мальчик пошел к дому, гадая, кого же он там увидит.

"Ну и где же моя мать? — спросил он. — Тут никого нет кроме этой оборванной женщины."

"Я твоя мать," — сказала нищенка.

"Да ты просто с ума сошла! — сердито воскликнул мальчик. — Никакой я тебе ни сын. Ты просто уродливое чучело, одетое в какие-то тряпки. Убирайся-ка ты отсюда поживей, мне неприятно даже смотреть на твое безобразное лицо."

"Но ты действительно мой сын! Разбойники напали на меня в лесу и украли тебя, а потом оставили одного умирать. Я сразу узнала тебя, а вот и те вещи, которые остались с тобой. Пойдем со мной, ведь я обошла целый свет, ища тебя. Пойдем, мне так нужна твоя любовь."

Но Звездный Мальчик ни на шаг не сдвинулся со своего места. Он закрыл двери своего сердца, и не проронил ни слова. Только рыдания несчастной матери были слышны в доме.

Наконец, он заговорил, и жестокие слова больно ранили его мать. "Даже если это правда, лучше бы ты никогда не приходила сюда. Я сын звезды, а ты говоришь мне, что я сын нищей. Я уже сказал тебе, убирайся отсюда, чтобы я больше никогда тебя не видел."

"Горе мне! — выговорила она. — Но хотя бы поцелуй свою мать, прежде чем я уйду. Я столько страдала, чтобы найти тебя."

"Нет, — сказал Звездный Мальчик. — Мне противно даже смотреть на тебя. Лучше уж я поцелую гадюку или жабу, чем тебя."

Нищенка встала, и горько плача пошла по дороге, уходящей в лес. Звездный Мальчик посмотрел ей вслед. Когда она совсем пропала из вида, он радостно побежал обратно к своим приятелям. Но как только мальчишки увидели его, они начали строить ему рожи, тыкать в него пальцами, хохотали. "Смотрите, смотрите — мерзкий, как жаба! — кричали его бывшие приятели. — Да он склизкий, как гадюка! Убирайся по добру — по здорову!" И они прогнали его из сада.

"Что они все с ума посходили? — и Звездный Мальчик презрительно улыбнулся. — Пойду лучше полюбуюсь на свое отражение. Он подошел к старому пруду и посмотрел вниз.

Что это! Лицо его стало противным, как у лягушки, а кожа блестела, как змеиная чешуя. Рыдая, Звездный Мальчик упал на траву, и вцепившись руками в свои волосы, уткнулся лицом в землю. "Я сам, сам виноват! — подумал он. — Я отрекся от своей матери и выгнал ее из дома. Как я был жесток с ней! Я пойду искать ее по белому свету. И не будет мне покоя, пока я не найду свою мать, пока она не простит меня."

Сзади тихонько подошла младшая дочка дровосека и положила свою руку ему на плечо. "Не плачь, — сказала она. — Оставайся жить с нами. Я никогда не стану над тобой смеяться." "Не

могу, — ответил Звездный Мальчик. — Я был жесток со своей матерью и заслужил это наказание. Я уйду. Пойду скитаться и искать ее. Только она может дать мне прощение."

И он побежал по дороге в лес и стал кричать, и умолять маму вернуться. Но голос терялся среди вековых деревьев, и не было ему ответа. Весь день мальчик звал ее, и только когда зашло солнце, он улегся на постель из пожухлых листьев. Звери и птицы бежали от него — они слишком хорошо знали Звездного Мальчика. Лишь огромная зеленая жаба внимательно следила за ним, и ядовитая змея шипя проползла около самого его лица.

Рано утром он встал, попробовал горькие ягоды с кустов, что росли рядом, и пошел дальше по дороге через темный страшный лес. Звездный Мальчик шел и горько плакал. "А вы не встречали мою маму?" — спрашивал он у всех. Но все тяжелей становилось у него на сердце. "Скажи мне, дорогой крот, — сказал он, — ты живешь под землей. Ты не видел там моей мамы?"

"Ты выколол мне глаза, — отвечал тот. — Откуда же мне теперь знать?"

"Может ты, коноплянка, видела ее? Ты летаешь высоко над лесом и видишь все вокруг."

"Ты обрезал мне крылья ради забавы. Как же мне теперь летать?" Мальчик спросил одинокую белку, которая жила на высокой сосне: "Ты не знаешь, где моя мама?"

Но белка заплакала: "Ты убил всех моих детей. Теперь ты хочешь убить ее?"

"Господи, прости меня гадкого!" — повторял мальчик, и, рыдая, шел дальше. На третий день он вышел из леса и пошел по долине.

Когда он проходил деревню, мальчишки дразнили его и кидали в него камнями. А крестьяне не пускали его переночевать даже в хлев, чтобы он не принес порчу на коров или на заготовленное зерно — так мерзок был его вид. Некому было пожалеть его, и никто не видал ту нищенку. Вот уже три года он бродил по свету, и не раз ему казалась, что она вон там — впереди. И он бежал изо всех сил, а острые камешки на дороге до крови терзали его ноги. Но его матери там не было, а те, кто вечно сидит на обочине, не видели никакой нищей. Но они были не прочь позабавиться над Звездным Мальчиком.

Три года он провел скитаясь по дорогам, но не встретил ни любви, ни милосердия или хотя-бы доброты. Он видел только тот мир, который сам выдумал, живя у Дровосека.

Был поздний вечер, когда Звездный Мальчик увидел впереди крепостные стены какого-то города. Изможденный и босой он подошел к воротам, но стражники опустили перед ним свои алебарды. "Кто ты такой, и что тебе надобно в нашем городе?" не церемонясь спросили они.

"Я ищу свою маму. Прошу вас, разрешите мне пройти. Она может оказаться в городе," — попросил Звездный Мальчик.

"Ха-ха-ха!" — загоготали они. А один стражник, с трясущейся от смеха черной бородой, оперся на свой щит, и еле выговорил: "Ой, не могу! Ты думаешь она обрадуется, когда тебя увидит? Ты красив, как болотная жаба или мерзкая гадюка. Иди, иди отсюда. Здесь твоей матери быть не может." Другой стражник, который держал желтый стяг, спросил мальчика: "А кто она, твоя мать? Почему вы не вместе, а ты ищешь ее?"

"Она такая же нищая, как и я. Но я ей причинил зло, я был горд и жесток с ней. Умоляю, пропустите меня. Вдруг она здесь. Лишь она может простить меня."

"Нет, нет таких в нашем городе, нет. Ступай отсюда," — и они стали выталкивать его своими острыми пиками.

Когда Звездный Мальчик уже пошел, рыдая, от городских ворот, к стражникам подошел человек с золочеными цветами на латах и крылатым львом на шлеме. "Кто это хотел попасть к нам? — спросил он." Да, пустяки, — сказали они. — Нищий сын нищей матери. Мы прогнали его."

"Ну-ка верните его сюда! Мы лучше продадим его. Красная цена этому чудовищу — бутылка красного вина." Откуда ни возьмись, к ним подскочил какой-то старик с дьявольским выражением лица. "Я покупаю его за эту цену," — вмешался он, и, уплатив цену, схватил железной хваткой руку мальчика.

"За мной иди," — бросил старик и потащил мальчика в город. Они понеслись мимо уличных торговков, мимо дворца, мимо храма; спустились на тесные грязные улочки, где едва могли разойтись два человека и начали плутать по ним, пока не оказались перед низкой дверью. Дверь была прямо в стене, а со стороны улицы ее прикрывало большое гранатовое дерево. Старик прикоснулся к дверце кольцом из яшмы, и та сразу открылась. Пять медных ступенек вели в сад, где рос черный мак, и стояло несколько скудельных кувшинов. Старик вытянул из своей чалмы расписанную полоску из китайского шелка и завязал ей глаза мальчика. Теперь он встал сзади мальчика и только толчками в спину показывал ему путь. Когда Звездному Мальчику развязали глаза, они были в подземелье. Только тусклые факелы на стенах слегка освещали место.

Старик швырнул на доску перед мальчиком кусок заплесневелого хлеба. "Ешь," — сказал он. "Пей," — буркнул он, поставив кружку тухлой воды. Когда Звездный Мальчик разгрыз хлеб и выпил воду, старик ушел, заперев дверь снаружи на железный засов.

Старик был последним из египетских магов, а искусству своему он учился у колдуна, который проводил жизнь в сыром склепе на берегу Нила. Впрочем, он скоро превзошел своего учителя, и вряд ли нашелся бы на земле чернокнижник хитрее этого старика.

Как только показалось солнце, старик спустился в подвал к Звездному Мальчику. "Эй, ты! — пробурчал он сквозь зубы. — Хватит валяться, пора приниматься за работу. Ступай в лес, что у западных городских ворот. Там спрятаны три драгоценных слитка — из белого, желтого и красного золота. Сегодня ты мне принесешь белый слиток. Смотри, не перепутай. А если ты не сделаешь этого, я всыплю тебе сотню палок. На закате я буду ждать тебя у двери в сад. Помни, что ты мой раб — я и так заплатил за тебя больше, чем ты стоишь."

Старик опять завязал глаза мальчику и вывел его из дома. Они прошли через маковый сад, поднялись на пять бронзовых ступенек, и старик открыл дверь яшмовым кольцом. "Давай поживей," — бросил он и выпихнул мальчика на улицу.

Звездный Мальчик вышел через западные ворота и отправился в лес, как велел ему злобный старик. Снаружи лес был так красив, что казалось будто он состоит из нежных берез, птичьего пения и милых цветов. Но когда мальчик зашел в чащу, от этого благолепия и следов не осталось. Колючие кусты шиповника и боярышника не давали ему прохода, крапива больно хлестала босые ноги, и чертополох словно стальными иглами впивался в изможденное тело Звездного Мальчика. Где же эти слитки, про которые говорил старик? Солнце только вставало, когда мальчик начал искать, а сейчас уже смеркалось. Пора было возвращаться. Тихо всхлипывая, Звездный Мальчик отправился домой, представляя, чем встретит его старик. Уже выходя из леса, мальчик услышал тоненький писк откуда-то из зарослей. Забыв про свою горе,

он бросился в ту сторону. Там мальчик увидел маленького зайчонка, попавшего в капкан охотника.

"Бедняга, — сказал Звездный Мальчик, выпуская зайца. — Хотя я теперь и раб, но тебе могу помочь."

"Ты подарил мне свободу, — ответил Заяц, — чем мне тебя отблагодарить?"

Звездный Мальчик даже не успел удивиться. "Я весь день искал слиток белого золота, но так и не нашел его. Мой хозяин обещал мне сотню ударов палкой, если я вернусь с пустыми руками."

"Пойдем со мной, — обрадовался Заяц. — Я знаю, где он спрятан. А теперь я даже знаю, зачем он там."

Мальчик пошел за Зайцем, и о, чудо! Видно молния рассекла огромный дуб надвое, а в черной трещине лежал тот самый слиток!

"Спасибо тебе, добрый Заяц. Ты сполна отплатил мне за то, что я выпустил тебя, и за мою доброту вернул седмерицею."

"Вот глупости! — ответил Заяц. — Просто я сделал тоже, что и ты." И он ускакал в лес.

Когда счастливый мальчик подошел к городу, он увидел прокаженного, сидящего у ворот. Серый капюшон закрывал все его лицо, лишь красные глаза, словно тлеющие угли, виднелись в узких прорезях. Когда прокаженный заметил Звездного Мальчика, он протянул к нему пустую кружку для подаяния. "Помоги мне, — прохрипел он. — Я умираю от голода. В этом городе никто не сжалился надо мной, и они выбросили меня за ворота."

"Но я не могу, — заплакал мальчик. — У меня есть только один слиток, который я должен вернуть моему хозяину. Я раб, и меня избьют, если я отдам золото тебе."

"Я умираю от голода," — еле слышно повторил прокаженный. Звездный Мальчик сунул ему в руки белый слиток и, закрыв глаза, вбежал в городские ворота.

Колдун уже ждал его у маленькой дверцы. Впустив его в сад, он спросил: "Где же мое золото?"

"У меня ничего нет," — ответил Звездный Мальчик. Разъяренный старик бросился на него с кулаками. Избив мальчика, он бросил перед ним пустую миску. "Ешь!" — сказал он. Потом он поставил перед ним пустую кружку. "Пей!" И колдун затащил его в то же подземелье.

Наутро колдун опять пришел за Звездным Мальчиком. "Если ты мне не принесешь кусок желтого золота, ты навсегда останешься моим рабом, и я всыплю тебе триста палок. А теперь пошевеливайся!"

Звездный Мальчик опять побрел в лес. Весь день он искал желтый слиток, но нигде не мог его найти. Когда солнце закатилось за горизонт, мальчик присел на трухлявый пенек и заплакал. Когда он так печалился, прискакал Заяц, которого он вчера вытащил из западни.

"Почему ты плачешь? И чего ты ищешь в лесу?"

"Я ищу слиток из желтого золота. Если я его не найду, я навсегда останусь рабом."

"Идем," — сказал Заяц и поскакал через лес к маленькому пруду. На дне его лежал желтый слиток.

"Что же мне сделать для тебя? — спросил Звездный Мальчик. — Ты уже второй раз выручаешь меня из беды."

"Опять ты за свое, — ответил Заяц. — Ты же первый пожалел меня." И он скрылся за кустами.

Звездный Мальчик достал слиток из пруда, положил его себе в котомку и поспешил в город. Прокаженный, еще издали заметив его, захромал навстречу, протягивая безобразные руки. "Золото, золото, — застонал он. — Дай мне хотя бы несколько монет, или я умру от голода."

"Но у меня один лишь слиток, — промолвил мальчик. — Если я не принесу его, я никогда уже не стану свободным."

"А я умру от голода," — сказал прокаженный. Звездный Мальчик протянул ему свою котомку.

Когда он вернулся, старик просто втоптал его в дверь. "Где, где желтый слиток?" — закричал он.

"У меня его нет," — ответил мальчик.

"Ах, ты так?" — и колдун схватив палку избил его до полусмерти. Потом он сковал ему руки цепью, и снова отволоч в подземелье.

Утром старик открыл железный засов и сказал: "Если ты принесешь мне красный слиток, я отпускаю тебя. Если вечером золота не будет, следующего восхода ты уже не увидишь."

И опять целый день еле-живой Звездный Мальчик искал красный слиток, и нигде не мог его найти. В конце дня он пришел к тому же пню, и плача, опустился на него. Мальчик уже почти не удивился, когда маленький Заяц подскочил к нему. "Глупыш! — сказал тот. — Красный слиток лежит за тобой в канаве. Возьми его, и перестань лить слезы." Мальчик залез в канаву, и в дальнем ее конце нашел красное золото.

"Чем же я отплатю тебе?" — спросил он Зайца.

"Опять двадцать пять, — рассердился Заяц. — Ты же вытащил меня из ловушки!" И он тихо запрыгал куда-то в лес. А Звездный Мальчик пошел в город так быстро, как только мог.

Прокаженный уже стоял посреди дороги. Увидев мальчика, он распростер свои лохмотья и взмолился:

"Дай мне красного золота, или я умру."

"Чтож, заberi его, — сжалился Звездный Мальчик. — Тебе оно нужнее." И тяжело вздохнув, он вошел в городские ворота.

Но что это? Когда стражники увидели Звездного мальчика, они вскочили по стойке "смирно" и отдали ему честь. Прохожие, засмотревшись на мальчика, забывали про все дела, а торговки бросали свои товары и бежали ему навстречу. "Как красив наш юный Принц!" — восклицал народ.

"Я знаю, они опять смеются надо мной, — подумал Звездный Мальчик, и слезы показались на его глазах. — Мое несчастье лишь веселит их."

Вокруг мальчика собралась целая толпа, не давая ему свернуть к двери в стене, и он послушно шел по узенькому коридору среди людей. Так он оказался на Дворцовой Площади. Двери

Дворца широко раскрылись, и Епископ с Городским Епархом, со всей городской знатью вышли ему навстречу. "Ты — наш государь, — сказал Епископ, а народ стал на колени. — Ты — сын нашего Короля, мы уже много лет ждали тебя."

"Я сын не Короля, а бедной нищенки. Почему вы зовете меня прекрасным, я же знаю, как я уродлив?"

Тогда воин с золоченными цветами на латах и крылатым львом на шлеме поднял свой сверкающий щит перед Звездным Мальчиком и спросил его:

"Разве наш господин не прекрасен?"

И в этом щите, как в зеркале, мальчик увидел свое лицо, красивое, как и прежде. Мальчик увидел свои глаза, и не узнал их.

Тогда даже Епарх опустил перед ним на колени, а Епископ промолвил: "Древнее пророчество гласит, что в этот день придет наш Государь. Тебе надлежит принять из рук моих корону и скипетр. Будь нашим Королем, милосердным и справедливым."

"Но я не достоин, — сказал юный Принц. — Я отрекся от своей матери, и не будет мне ни прощения, ни покоя, пока я не найду ее. Ни корона, ни скипетр не удержат меня здесь. Мне пора идти."

Звездный Мальчик повернулся к городским воротам, и в толпе, которую уже успели оттеснить стражники, увидел знакомое лицо. Это была та самая нищенка!

"Мама!" — крикнул Принц и бросился к ней. Он упал к ее ногам и расцеловал их. Он омочил слезами ее раны, и опустив лицо к земле, сказал: "Прости меня, мамочка! Я предал тебя, когда был счастлив, прости меня, когда мне плохо. Только зло ты видела от меня, покажи мне твою любовь. Я отрекся от тебя — прими меня к себе."

Ни слова ни проронила нищая.

Тогда Звездный Мальчик протянул руки и обхватил белые от проказы ноги того, кто стоял рядом. "Три раза я сжалился над тобой, пожалей и ты меня — попроси мою мать простить меня."

Но прокаженный тоже молчал.

Зарыдал несчастный Звездный Мальчик: "Мама, я не могу больше этого вынести! Прости меня, и я пойду обратно в лес."

"Встань!" — сказала нищая и положила руку ему на голову. "Встань!" — сказал прокаженный и положил свою руку поверх.

Звездный Мальчик поднялся на ноги и увидел перед собой Короля и Королеву.

"Тот, кому ты помог — твой отец, — сказала Королева."

"Та, чьи ноги ты целовал — твоя мать, — сказал Король."

Они обняли и расцеловали его, ввели во дворец и возложили корону на его голову, и вручили ему скипетр. Звездный Мальчик был добрым и справедливым Королем.

Но потом пришел другой.

Замечательная ракета

Царский сын собрался жениться, и вся страна ликовала. Он целый год ждал невесты, и она наконец приехала. Она была русская Принцесса и всю дорогу из Финляндии ехала в санях, запряженных шестеркой оленей. Сани имели вид большого золотого лебедя, а между крыльев лебедя возлежала сама маленькая Принцесса. Длинная горностаевая мантия ниспадала до самых ее ножек; на голове у нее была крохотная шапочка из серебряной парчи, и бледна она была, как ледяной дворец, в котором она жила от рождения. Так бледна, что, когда она проезжала, по улицам, все люди дивились. И восклицали: "Она — точно белая роза!". И бросали ей с балконов цветы.

У ворот дворца дожидался Принц, чтобы встретите невесту. У него были мечтательные глаза, похожие на фиалки, и волосы словно из чистого золота. Увидав Принцессу, он стал на одно колено и поцеловал ее руку.

— Ваш портрет был прекрасен, — пролепетал он, — но вы — прекрасней портрета.

И маленькая Принцесса покраснела.

— Прежде она была похожа на белую розу, — шепнул, юный Паж товарищу, — а теперь стада похожа на алую.

И весе двор был в восторге.

Три дня подряд только и слышно было, что: "Белая роза, Алая роза, Белая роза, Алая роза". И Король отдал приказ, чтобы Пажу удвоили жалованье. Так как никакого жалованья он не получал, ему от этого было мало проку, но все же это было сочтено за великую честь, о которой своевременно было напечатано в "Придворной Газете".

Три дня спустя сыграли и свадьбу. Свадебный обряд был очень пышный, и невеста с женихом рука об руку обходили вокруг алтаря под балдахинем алого бархата, вышитым мелким жемчугом. Затем состоялся большой банкет, длившийся целых пять часов. Принц и Принцесса сидели на почетных местах за столом в большой зале и пили из прозрачной хрустальной чаши. Из этой чаши могли пить только люди, искренно любящие друг друга, ибо, если лживые уста касались ее, хрусталь сразу тускнел, становился серым и словно задымленным.

— Совершенно очевидно, что они любят друг друга, — сказал маленький Паж. Это ясно, как хрусталь.

И Король, в награду, еще раз удвоил его жалование.

— Какая честь! — восклицали хором придворные.

После банкета назначен был бал. Жених с невестой должны были протанцевать на этом балу танец Розы, а Король обещал сыграть на флейте. Он играл очень плохо, но никто никогда не осмелился бы сказать ему это, так как он был король. По правде говоря, он знал только две мелодии и никогда не знал хорошенько, которую из двух он играет; но это было неважно, так как, что бы он ни делал, все восклицали:

— Очаровательно! Очаровательно!

Последним номером в программе увеселений был грандиозный фейерверк, который предполагалось пустить ровно в полночь. Маленькая Принцесса еще ни разу в жизни не видала фейерверка, и потому Король приказал придворному Пиротехнику приложить все старания в день ее свадьбы.

— На что это похоже — фейерверк? — спросила она утром Принца, прогуливаясь с ним по террасе.

— На северное сияние, — ответил Король, который всегда отвечал на вопросы, обращенные к другим: — только гораздо естественнее. Я лично предпочитаю фейерверочные огни звездам, так как тут всегда знаешь, когда они загорятся, и они так же прелестны, как моя игра на флейте. Вам непременно надо посмотреть на это.

И вот в конце дворцового сада выстроили высокий помост, и, как только придворный Пиротехник разместил всех участников фейерверка по местам, между ними пошли разговоры.

— Мир, бесспорно, прекрасен! — воскликнула маленькая Шутиха. — Вы посмотрите на эти желтые тюльпаны. Будь они даже настоящими ракетами, они не могли бы казаться миле. Я очень рада, что мне довелось попутешествовать. Путешествие удивительно благотворно влияет на развитие ума и рассеивает все предрассудки.

— Королевский сад еще далеко не мир, ты, глупышка, — возразила большая Римская Свеча. — Мир — огромное место, и нужно, по крайней мере, три дня, чтобы целиком осмотреть его.

— Всякое место, которое ты любишь, для тебя — мир! — задумчиво воскликнуло Огненное Колесо, которое в ранней юности было привязано к старому деревянному ящику и гордилось тем, что у него разбитое сердце. — Но любовь в наше время не в моде: поэты убили ее. Они так много писали о ней, что все перестали им верить, и меня это нимало не удивляет. Истинная любовь страдает молча. Помню, некогда я само... Но теперь это уже прошло. Романтика — дело минувшего.

— Вздор! — сказала Римская Свеча. — Романтика никогда не умирает. Она подобна луне и вечна, как она. Да вот, взять хоть бы наших жениха с невестой они нежно любят друг друга. Мне все рассказал о них коричневый картонный патрон, который случайно очутился в одном со мной ящике и знал все последние придворные новости.

Но Огненное Колесо качало головой и повторяло: Романтика умерла. Романтика умерла". Оно думало, как и многие, что, если повторять одну и ту же фразу много раз под ряд, она в конце концов станет истиной.

Неожиданно раздался сухой, отрывистый кашель, и все обернулись в ту сторону. Кашель исходил от высокой, надменного вида Ракеты, привязанной к концу длинной палки. Она всегда кашляла перед тем, как сказать что-нибудь, чтобы привлечь внимание.

— Гм, гм, — сказала она, и все насторожили уши, кроме бедного Огненного Колеса, которое продолжало трясти головой и повторять: "Романтика умерла".

— К порядку! К порядку! — крикнул один из Бураков.

Он был в некотором роде политик и всегда играл выдающуюся роль в местных выборах, так что умел кстати вернуть подходящее парламентское выражение.

— Умерла и не воскреснет, — прошептало Огненное Колесо и заснуло.

Как только водворилась полная тишина, Ракета откашлялась в третий раз и заговорила — медленно и внятно, словно диктуя свои мемуары, и заглядывая через плечо того, кому она их диктовала. Действительно, манеры у нее были изысканные.

— Какое это счастье для королевича, что его женят как раз в тот день, когда решили пустить меня! Право, если б это даже нарочно было подстроено, это не могло бы сложиться удачнее для него, но принцам всегда везет.

— Ах, Ты, Господи! — пискнула маленькая Шутиха. — А я думала, что как раз наоборот, — что это нас будут пускать в честь свадьбы Принца.

— Вас — может статься, — ответила Ракета, — я даже не сомневаюсь в этом; но я — другое дело. Я очень замечательная Ракета и происхожу от замечательных родителей. Мать моя была знаменитейшим Огненным Колесом своего времени и славилась своими грациозными танцами. Во время своего большого публичного дебюта она описала в воздухе девятнадцать кругов перед тем, как погаснуть, и каждый раз выбрасывала в воздух семь розовых звездочек. Она имела в диаметре три с половиною фута и была сделана из лучшего пороха. Отец мой был Ракетой, как и я, и французского происхождения. Он взлетел так высоко, что иные боялись, что он и совсем не вернется обратно. Но он все же вернулся, так как натура у него была кроткая и благожелательная, и учинил блестящий спуск, рассыпавшись золотым дождем. Газеты отзывались об его выступлении очень лестно. "Придворная Газета" даже назвала его триумфом пилотехнического искусства.

— Пиротехнического. Вы хотите сказать: пиротехнического, — поправил Бенгальский Огонь. — Я знаю, что это называется: пиротехнический. Я сам видел это слово написанным на моей коробке.

— А я говорю: пилотехнический, — строгим тоном возразила Ракета; и Бенгальский Огонь почувствовал себя совсем уничтоженным и сейчас же начал задирать маленьких Шутих, чтоб показать, что и он тоже кое-что значит.

— Так я говорила... — продолжала Ракета. — Я говорила... Что, бишь, я такое говорила?

— Вы говорили о себе, — сказала Римская Свеча.

— Ну, разумеется. Я знала, что обсуждала какой-нибудь интересный вопрос в то время, как меня так грубо прервали. Я ненавижу грубость и всякую невоспитанность, так как я чрезвычайно чувствительна. В целом мир нет никого, кто был бы чувствительнее меня — в этом я совершенно уверена.

— А что это значит: быть чувствительным? — спросил Бурак у Римской Свечи.

— Это значит — наступать людям на ноги потому только, что у вас у самих на ногах мозоли, — шепотом ответила Римская Свеча; и Бурак чуть не лопнул со смеху.

— Нельзя ли узнать, почему вы смеетесь? — осведомилась Ракета. — Я не смеюсь.

— Я смеюсь, потому что я счастлив, — ответил Бурак. — Это очень эгоистично, — сердито возразила Ракета. — Какое право вы имеете быть счастливым? Вам следовало бы подумать и о других. То есть, собственно говоря обо мне. Я всегда думаю о себе и жду от других того же. Это зовется отзывчивостью. Прекрасная добродетель — и я обладаю ей в высокой степени. Предположим, например, что нынче вечером со мной случилось бы что-нибудь какое это было бы несчастье для всех! Принц и Принцесса никогда уже больше не были бы счастливы; вся их

семейная жизнь была бы отравлена; что же касается Короля — я знаю, он не пережил бы этого. Поистине, когда я начинаю размышлять о значительности моей роли, я готова плакать от умиления.

— Если вы хотите доставить удовольствие другим, — вмешалась Римская Свеча, — вам лучше бы остерегаться сырости.

— Конечно! — воскликнул Бенгальский Огонь, который уже успел оправиться и развеселиться.
— Этого требует простой здравый смысл.

— Простой здравый смысл! Скажите, пожалуйста! — возмутилась Ракета. — Вы забываете, что сама-то я вовсе не из простых, что я очень замечательная. Простой здравый смысл доступен каждому, кто только лишен фантазии. Но я не лишена фантазии и я никогда не думаю о вещах, каковы они есть; я всегда представляю их себе совсем иными. Что же до того, чтоб остерегаться сырости, здесь, очевидно, нет ни единой души, способной оценить впечатлительную натуру. К счастью для меня, это мне безразлично. Единственное, что может служить поддержкой в жизни — это сознание, что все остальные несравненно ниже вас, и это чувство я всегда в себе воспитывала. Но вы все здесь какие-то бессердечные. Вот вы все смеетесь и веселитесь, как будто Принц с Принцессой не повенчались только что.

— Но позвольте! — воскликнул маленький Воздушный Шарик. — Почему же нам не смеяться? Это чрезвычайно радостное событие, и, когда я взлечу на воздух, я непременно расскажу об этом подробно звездам. Вы увидите, как они будут подмигивать, когда я начну рассказывать им о прелестной невесте.

— Как вы пошло смотрите на жизнь! — сказала Ракета. — Впрочем, я ничего иного и не ожидала. Вы пусты и лишены всякого содержания. Как же вы говорите: радостное? А вдруг Принц с Принцессой будут жить в стране, где протекает глубокая река, и вдруг у них будет единственный сын, маленький светловолосый мальчик, с глазами-фиалками, как и у Принца; и вдруг он как-нибудь пойдет гулять со своей нянькой, и нянька заснет под большим кустом бузины, а маленький мальчик упадет в глубокую реку и утонет. Какое страшное несчастье! Бедненькие! — потерять единственного сына! — Нет, право, это слишком ужасно. Этого я не перенесу!

— Да ведь они же еще не потеряли своего единственного сына, — возразила Римская Свеча, — и никакой беды еще не приключилось с ними.

— Я и не говорила, что это случилось, — возразила Ракета, — я говорила, что это может случиться. Если бы они уже потеряли своего единственного сына, тут уж нечего было бы и разговаривать — все равно не поможешь горю. Ненавижу людей, которые плачут о пролитом молоке. Но когда я подумаю о том, что они могут потерять своего единственного сына, я прихожу в такой аффект...

— О, да! — воскликнул Бенгальский Огонь. — Вы, действительно, самая аффектированная особа, какую я когда-либо видел.

— А вы самое грубое существо, какое я когда-либо встречала, — сказала Ракета, — и вы неспособны понять моего дружеского расположения к Принцу.

— Да вы ведь его даже не знаете, — проворчала Римская Свеча.

— Я и не говорю, что знаю его; по всей вероятности, если бы я знала его, я вовсе и не была бы его другом. Это очень опасно — знать своих друзей.

— Право, лучше бы вы позаботились о том, чтобы не отсыреть, — сказал Воздушный Шар. — Это самое важное.

— Самое важное для вас, я в этом не сомневаюсь, — ответила Ракета. — Но я плачу, когда мне вздумается.

И она действительно залилась настоящими слезами, которые стекали по ее палке, как дождевые капли, и едва не затопили двух крохотных жучков, только задумавших было зажить своим домком и выбиравших подходящее сухое местечко.

— Она, должно быть, чрезвычайно романтична, — заметило Огненное Колесо, она плачет, когда и плакать-то не о чем.

И оно тяжело вздохнуло, вспомнив о своем еловом ящике.

Но Римская Свеча и Бенгальский Огонь были в полном негодовании и все время повторяли: "Враки! враки!".

Они были чрезвычайно практичны и, когда им было что-нибудь не по вкусу, они всегда говорили: "Враки!".

Тем временем на небе засияла луна, как дивный серебряный щит, засветились звёзды, и из дворца донеслись звуки музыки.

Принц с Принцессой открыли бал. Они танцевали так красиво, что высокие белые лилии заглядывали в окна и следили за ними, а большие красные маки кивали головками и отбивали такт.

Пробило десять часов, потом одиннадцать, потом двенадцать; с последним ударом полуночи все вышли на террасу, и Король послал за придворным Пиротехником.

— Пора начинать фейерверк, — сказал Король, и придворный Пиротехник с низким поклоном отправился на другой конец сада. С ним было шестеро помощников, и каждый из них нес зажженный факел на длинном шесте. Это было действительно великолепное зрелище.

— Зз... Зззз... Ззз! — зашипело Огненное Колесо и завертелось все быстрее и быстрее.

— Бум, бум! — взлетела кверху Римская Свеча.

Потом заплясали по всей террасе маленькие Шутихи, и Бенгальский Огонь окрасил все кругом в алый цвет. — Прощайте! — крикнул Воздушный Шар, взвиваясь кверху и роняя крошечные синие искорки.

— Банг, банг! — отвечали ему Бураки, которые веселились на славу.

Все исполняли свои роли чрезвычайно удачно, кроме замечательной Ракеты. Она до того отсырела от слез, что и совсем не загорелась. Лучшее, что в ней было, — порох — подмокло и уже никуда не годилось. Все ее бедные родственники, с которыми она иначе никогда и не разговаривала, как с презрительной усмешкой, взлетали к небу чудесными золотыми и огненными цветами.

— Ура, ура! — кричали придворные, и маленькая Принцесса смеялась от удовольствия.

— Должно быть, они меня берегут для какого-нибудь особо торжественного случая, — сказала

Ракета, — вот что это означает. Ну, без сомнения, так.

И она приняла еще более надменный вид. На другой день пришли рабочие убрать и привести все в порядок.

— Это, очевидно, депутация, — сказала Ракета, — приму ее с подобающим достоинством.

И она вздернула нос и сурово нахмурилась, словно задумавшись о чем-то очень важном. Но рабочие не обращали на нее никакого внимания, только когда они уже собрались уходить, она попалась на глаза кому-то из них.

— Фу, какая скверная ракета! — воскликнул он и швырнул ее через стену в канаву.

— Скверная! Скверная! — повторяла Ракета, крутясь в воздухе. — Не может быть! Он, конечно, сказал: — примерная. Скверная и примерная звучат очень сходно, да нередко они и означают одно и то же.

И с этими словами она шлепнулась в грязь.

— Здесь не очень удобно, — заметила она, — но, без сомнения, это какой-нибудь модный курорт, и меня отправили сюда для восстановления здоровья. Мои нервы действительно очень расшатаны, и я нуждаюсь в покое.

Тут к ней подплыла небольшая Лягушка с яркими, как алмазы, глазами и в зеленом крапчатом платье.

— А, новенькая! — сказала Лягушка. — Ну что ж, в конце концов ничего нет лучше грязи. Мне бы только дождливая погода и лужа, и я совершенно счастлива. Как вы думаете, будет сегодня к вечеру дождик? Я очень надеюсь на это, но небо голубое и безоблачное. Какая жалость!

— Гм, гм, — сказала Ракета и закашлялась.

— Какой у вас восхитительный голос! — вскричала Лягушка. — Положительно, он страшно похож на кваканье, а кваканье, разумеется, лучшая музыка в мире. Вы услышите сегодня вечером нашу певческую капеллу. Мы усаживаемся в старом пруду, что сейчас за домом фермера, и, как только всходит луна, мы начинаем. Это так увлекательно, что никто в доме не спит и слушают нас. Да вот, не далее, как вчера, я слышала, как жена фермера говорила своей мамаше, что она целую ночь не могла сомкнуть глаз из-за нас. Чрезвычайно отрадно видеть себя такими популярными.

— Гм, гм, — сердито фыркнула Ракета, очень недовольная тем, что ей не удавалось вставить ни слова.

— Право же, восхитительный голос! — продолжала Лягушка. — Надеюсь, вы заглянете к нам туда, на утиный пруд... Однако надо мне пойти поискать своих дочерей. У меня шесть прелестных дочурок, и я так боюсь, как бы они не попались на зубок Щуке. Это настоящее чудовище, и оно не задумается позавтракать ими. Ну, прощайте. Смею вас уверить, разговор с вами был для меня очень приятен.

— Действительно, разговор! — сказала Ракета. — Вы все время говорили одна. Что уж это за разговор!

— Кому-нибудь надо же слушать, — возразила Лягушка, — а говорить я люблю сама. Это

сберегает время и предотвращает всякие споры.

— Но споры мне нравятся, — сказала Ракета.

— Надеюсь, вы шутите? — любезно сказала Лягушка. — Споры чрезвычайно вульгарны, и в хорошем обществе все бывают всегда одного и того же мнения. Ну, еще раз прощайте. Я уж издали вижу моих дочерей.

И Лягушка поплыла дальше.

— Вы пренеприятная особа, — сказала Ракета, — и очень дурно воспитаны. Вы способны рассердить кого угодно. Ненавижу людей, которые, как вы, говорят только о себе, когда другой хочет говорить о себе, как я, например. Я это называю эгоизмом, а эгоизм — препротивная вещь, в особенности для особы с моим темпераментом, потому что я ведь известна своей отзывчивостью. Брали бы вы пример с меня — лучшего образца для подражания вы не найдете. И теперь, когда вам представился случай, вам не мешало бы им воспользоваться, потому что я ведь немедленно вернусь ко двору. При дворе меня очень любят; не далее, как вчера, в мою честь повенчали Принца с Принцессой. Разумеется, вам об этом ничего не известно, потому что вы провинциалка.

— Напрасно вы с нею разговариваете, — сказала Стрекоза, сидевшая на султанине большого коричневого камыша, — совершенно напрасно, ее уже нет здесь.

— Так что ж? От этого теряет только она, а не я. Не перестану же я разговаривать с ней из-за того только, что она не обращает на меня внимания. Я люблю себя слушать сама. Это доставляет мне величайшее удовольствие. Я часто веду долгие разговоры сама с собою и говорю такие умные вещи, что иной раз сама не понимаю, что я такое говорю.

— В таком случае вам надо читать лекции по философии, — сказала Стрекоза и, расправив хорошенькие прозрачные крылышки, взвилась в поднебесье.

— Как это удивительно глупо, что она не осталась здесь! — сказала Ракета. — Уж, конечно, ей не часто представляются такие случаи развить свой ум и чему-нибудь научиться. Ну, да пусть ее, мне все равно. Я убеждена, что моя гениальность когда-нибудь будет оценена.

И она увязла еще глубже в грязи.

Немного погодя к ней подплыла большая белая Утка. У нее были желтые ноги с перепонками между пальцами, и она почиталась красавицей за то, что походка у нее была с перевальцем.

— Ква, ква, ква! — сказала Утка. — Что за смешная фигура! Можно узнать, вы такой родились, или же это результат несчастного случая?

— Вот сразу видно, что вы всю жизнь были в провинции, — ответила Ракета, не то вы бы знали, кто я и что я. Впрочем, я готова извинить ваше невежество. Несправедливо было бы требовать от других, чтоб они были так же замечательны, как и мы сами. Вы, без сомнения, очень изумитесь, узнавши, что я могу взлетать высоко, к самому небу, и рассыпаться золотым дождем, спускаясь обратно.

— Ну, по-моему, это не велика важность, — сказала Утка, — я, по крайней мере, не вижу в том проку ни для кого. Вот, если бы вы умели вспахать поле, как бык, или везти телегу, как лошадь, или сторожить овец, как овчарка, — это чего-нибудь да стоило бы.

— Моя милая! — надменно сказала Ракета, — я вижу, что вы из низкого звания. Особы моего положения никогда не бывают полезными. Мы обладаем кое-какими талантами, и это более чем достаточно. Я лично не сочувствую никакому виду труда и менее всего тем видам труда, которые вы, по-видимому, рекомендуете. Я всегда была того мнения, что тяжелая работа просто-напросто прибежище для людей, которым нечего делать.

— Ну уж, ладно, ладно, — сказала Утка, которая была очень миролюбивого нрава и никогда ни с кем не вступала в препирательство, — вкусы бывают различные. Во всяком случае, надеюсь, что вы поселитесь здесь надолго.

— О, избави Боже! — вскричала Ракета. — Я здесь только в гостях, я здесь почетный гость. По правде говоря, я нахожу, что здесь довольно скучно. Ни общества, ни одиночества, — впрочем, так это всегда и бывает на окраинах города. Я, по всей вероятности, вернусь ко двору, ибо знаю, что мне суждено произвести сенсацию в мире.

— Я когда-то тоже подумывала заняться общественными делами, — заметила Утка. — На свете очень много такого, что следовало бы изменить, исправить. Я даже недавно председательствовала на одном митинге, и мы вынесли ряд резолюций, осуждающих все то, что нам не нравится. Но, по-видимому, большого эффекта они не произвели. Теперь я интересуюсь больше домашней жизнью и посвятила себя заботам о своем семействе.

— А я создана для общественной жизни, — сказала Ракета, — как и все мои родичи, даже самые скромные. Всюду, где бы мы ни появились, мы привлекаем общее внимание. Сама я пока еще не выступала публично, но, когда выступлю, это будет великолепное зрелище. А домашняя жизнь быстро старит и отвлекает ум от более возвышенного.

— Ах, возвышенные стремления, как они прекрасны! — воскликнула Утка. Кстати, это напомнило мне, что я ведь страшно голодна.

И она поплыла вниз по течению, повторяя:

— Ква, ква, квак.

— Вернитесь, вернитесь! — завизжала Ракета. — Мне надо еще многое вам рассказать. — Но Утка не обратила внимания на ее зов. — Я рада, что она ушла, — сказала тогда Ракета — у нее положительно мещанская натура.

И еще глубже она погрузилась в грязь, размышляя об одиночестве, на которое всегда бывает обречен гений, как вдруг на берегу канавы появились два Мальчугана в белых рубашках, с котелком и небольшой охапкой хвороста в руках.

"Это, должно быть, депутация", — сказала себе Ракета и постаралась принять важный вид.

— Сюда! — крикнул один из Мальчигов. — Поглядите-ка на эту старую палку. И как только она попала сюда?

И он вытащил Ракету из канавы.

— Старая палка, — повторила Ракета. — Не может быть! Он, вероятно, хотел сказать: золотая палка. Что ж! Золотая палка — это ведь очень лестно. Должно быть, он принимает меня за кого-нибудь из придворных.

— Давай бросим ее в огоне, — сказал другой Мальчик, — все же скорее вскипит котелок. Они

сложили вместе собранный хворост, положили сверху Ракету и подожгли.

— Это великолепно! — восклицала Ракета. — Они хотят пустить меня среди белого дня, чтобы всем было видно.

— А теперь давай ляжем спать, — решили Мальчуганы, — к тому времени, как мы проснемся, и вода в котелке закипит.

И они улеглись на траву и закрыли глаза. Ракета сильно отсырела, так что загорелась не скоро. Но в конце концов огне охватил и ее.

— Сейчас я полечу! — вскричала она и сразу вытянулась в струнку. — Я знаю, что я взлечу выше звезд, много выше луны, много выше самого солнца. Я залечу так высоко, что...

— Фзз... фзз... фзз... — И она взвилась в поднебесье.

— Восхитительно! — вскричала она. — Я буду летать так без конца. Какой огромный успех!

Но никто не видал ее. Затем во всем теле она начала испытывать странное какое-то щекотание.

— Теперь я взорвусь! — воскликнула она. — Я подожгу весь мир и наделаю столько шума, что целый год у всех только и будет речи, что обо мне.

И она действительно взорвалась. Банг! Банг! Банг! — затрещал порох. В этом не было никакого сомнения.

Но никто ничего не слышал, даже два Мальчугана, так как они крепко спали.

А затем от Ракеты осталась всего только палка, которая упала на спину Гусю, прогуливавшегося возле канавы.

— Господи Боже! — воскликнул Гусь. — Что же это такое? Палочный дождь?

И поскорее он бросился в воду.

— Я знала, что произведу огромную сенсацию, — прошипела Ракета — и потухла.

Счастливый Принц

Счастливый Принц стоял на стройной колонне, возвышаясь над черепичными крышами и острыми шпилями. Его одежда была сшита из тонких листьев самого лучшего золота, глаза ему заменяли два светлых сапфира, а на рукояти его шпаги пылал ярко-красный рубин. Жители города были от него в восторге.

"Он прекрасен, как мой флюгер," — сказал Советник, которому очень хотелось, чтобы все знали про его тонкий художественный вкус. "Но не так полезен," — поспешно добавил он, опасаясь показаться непрактичным.

"Вот с кого надо брать пример! — говорили молодые мамы своим детям. — Счастливый Принц никогда не плачет."

"Как я рад, что хоть кто-то на этой земле действительно счастлив," — грустно промолвил кто-то в сером плаще, глядя на великолепный памятник из темной подворотни.

"Он совсем, как ангел!" — говорили приютские девочки, когда шли домой из храма в своих красненьких курточках и чистых белых передничках. "Откуда вы знаете? — спросил Учитель Математики. — Вы же никогда не видели ангелов." "Видели, видели, — защебетали две сестренки, — они приходят к нам во сне." Учитель Математики сразу нахмурил брови и стал совсем строгим. Ему очень не нравилось, что дети видят сны.

Как-то ночью над городом летел маленький Скворец. Его друзья еще шесть недель назад улетели в далекий Египет, а он остался. Скворец был влюблен в прекрасную Тростинку. Он встретил ее на ранней весне, когда в погоне за желтым мотыльком летел вниз по реке. Его так очаровала ее грациозность, что он остановился поговорить с ней. "Будьте моей женой." — решительно сказал Скворец. Он привык сразу браться за дело. Тростинка сделала ему низкий поклон. И Скворец стал летать, летать вокруг нее, касаясь реки крыльями, и покрывая воду тонкой серебристой рябью. Так он провел все лето.

"Что за нелепая привязанность," — чирикали другие скворцы: "У нее совсем нет денег, к тому же родственников пруд пруди." И правда, вся река была запружена тростником.

Когда пришла осень, птицы улетели. Скворец почувствовал себя одиноким, и возлюбленная стала понемногу надоедать ему. "Она даже не умеет разговаривать, — заметил он. — Наверное она кокетка — она все время флиртует с ветром." Даже после легкого дуновения Тростинка рассыпалась множеством изящных реверансов. "Пускай она и домоседка, зато мне нравится путешествовать, значит и жене моей должно нравиться". "Отправишься со мной?" — спросил он наконец. Но Тростинка лишь покачала головой, — она так была привязана к своему дому... "Ты просто дурачила меня!" — вскричал он: "Что ж, прощай! — Меня ждут Фараон и Египетские Пирамиды. Счастливо оставаться!" И Скворец улетел.

Он летел весь день, и только ночью оказался в городе. "Где же мне переночевать? — подумал Скворец. Надеюсь, Городские Власти уже приготовились к моему прилету." Тут он увидел памятник, стоящий на высоченной колонне.

"Вот где я остановлюсь! — воскликнул Скворец. — Прекрасное местечко, и столько свежего воздуха!" И он устроился прямо между туфель Счастливого Принца.

"Сегодня у меня золотая спальня," — самодовольно оглядываясь сказал он. И только он хотел спрятать голову под крыло, как — кап! — откуда-то сверху на него упала капля. "Вот так история, — встрепенулся Скворец. — На небе ни облачка, все звезды видно, и все равно идет дождь! Не зря говорят, что на Севере Европы отвратительный климат. Только этой дурочке тростинке мог нравиться дождик."

"Кап!" — и еще одна капля упала на него. "Какой прок во всех этих памятниках, если они даже от воды не могут защитить. Полечу, поищу приличный дымоход". Не успел он раскрыть крыльев, как опять на него упала капля. Скворец сердито взглянул вверх, и ... Что же он увидел? Глаза Счастливого Принца были полны слез, слезы стекали по золотым щекам и падали вниз. Лицо его было так прекрасно в лунном свете, что маленькому Скворцу стало жаль Принца.

"Кто ты?" — спросил он. "Счастливый Принц". "Почему же ты плачешь? Я уже весь вымок".

"Когда я жил, и сердце у меня было человеческое, — отвечал памятник, — я не знал что такое слезы. Я жил во Дворце Утех, куда запрещен вход печали. Днем я играл с друзьями в саду, а вечером открывал бал в Главной Зале дворца. Сад был обнесен высокой стеной, но мне и знать не хотелось, что за ней. Ведь вокруг все было так прекрасно... Придворные звали меня

Счастливым Принцем. О! Если удовольствия могут принести счастье, как я был счастлив! А потом я умер. И сейчас они поставили меня так высоко, что я вижу всю скорбь и всю нищету моего города. И хоть сердце у меня теперь оловянное, я не могу не плакать".

"Вот как! А я думал он весь из золота", — подумал Скворец. Но он был слишком вежлив, чтобы делать замечания вслух.

"Далеко отсюда, — сказал Принц тихим нежным голосом, — есть тихая улица, а на ней старенький дом. Одно окно в нем открыто, и я вижу женщину, которая сидит за столом. У нее худое измученное лицо, и усталые красные руки, все исколотые штопальной иглой. Она швея, и сейчас она вышивает Цветы Любви на атласном платье прекраснейшей из королевских фрейлин. Ей надо успеть к Придворному Балю. В углу на кровати лежит ее сын. Он тяжело болен, у него жар, и он просит апельсинов. Но в доме ничего нет, и мама может только напоить его водой из реки, поэтому он все время плачет. Дорогой Скворец, отнеси ей, пожалуйста, рубин из моей шпаги. Мои ноги приросли к этой колонне, и я не могу сойти отсюда".

"Но меня ждут в Египте, — сказал Скворец. Мои друзья уже давно летают над Великим Нилом, над его берегами, богатыми молоком и медом. Там они беседуют с огромными белыми лилиями. Скоро они полетят на ночлег в чертог Великого Тутанхамона. Сам Тутанхамон уже лежит там в своей раскрашенной усыпальнице. На нем желтое льняное одеяние, а вокруг курятся благовония. На шее у него ожерелья из зеленого нефрита, а руки похожи на осенние листья".

"Милый мой Скворец, неужели ты не удержишься на одну ночь, и не послужишь мне службу? Мальчику так тяжело в горячке, а его мать падает с ног от усталости".

"Вообще-то я не очень люблю мальчишек, — ответил Скворец. — Прошлым летом, когда я жил у реки, два здоровенных парня, дети мельника, все время бросали в меня камнями. Конечно же, они не попали. Мы, скворцы, слишком хорошо для этого летаем. К тому же, мое семейство всегда отличалось быстротой и проворностью. Хоть попасть они и не могли, все же это было явное неуважение с их стороны".

Но Счастливый Принц был так расстроен, что Скворцу стало немного стыдно. "Ладно, — пробурчал он, — я, так и быть, задержусь на ночь, и сделаю, что ты меня просишь. Хотя все-таки у вас здесь слишком холодно".

"Спасибо тебе, скворчонок," — сказал принц.

Скворец отколол большой рубин со шпаги Принца, и понес его в клюве над городскими крышами. Он пролетел около городского собора с мраморными ангелами, мимо замка, мимо радостных звуков бала и танцев. Прекрасная девушка стояла на балконе со своим возлюбленным.

"Какие здесь удивительные звезды, — сказал он ей. — И как удивительна сила любви". "Я как раз приказала вышить Цветы Любви на моем новом платье, — ответила она. — Надеюсь, оно будет готово к Придворному Балю. Впрочем, эти швеи так ленивы".

Скворец пролетал над рекой, и видел сигнальные огни на мачтах кораблей. Он пролетал над гетто, и видел как старые евреи торговались друг с другом, звеня медью. Наконец, он нашел тот самый дом, и заглянул внутрь. Бедный мальчик метался на своей кровати, а мама его так устала, что заснула склонившись над неоконченным платьем. Скворец впорхнул внутрь, и положил рубин рядом с наперстком. Потом он нежно облетел кровать мальчика, и взмахами своих крыльев постарался развеять его жар. "Как хорошо, — прошептал ребенок, — мне уже

легче", и забылся легким сном.

Скворец вернулся к Счастливому Принцу, и рассказал ему, все что сделал. "Забавно, — добавил он, — почему-то мне сейчас тепло, а вокруг по-прежнему холод." "Это потому, что ты сделал доброе дело", — сказал Принц. Маленький Скворец задумался, и заснул. Начав думать, он обычно сразу засыпал.

Когда выглянуло солнце, он полетел к реке и выкупался в ней. "Какой интересный случай!" — сказал Профессор Птичьих Наук, переходя над речкой по мосту. "Скворец зимой!" И он сразу написал про это большую статью в городскую газету. Жители с гордостью показывали друг другу этот номер — там было столько непонятных слов!

"Сегодня ночью я полечу в Египет," — сказал Скворец, и эта мысль его очень обрадовала. Он успел облететь все городские достопримечательности, и даже посидел на шпиле городского собора. Где бы он не появился, воробьи начинали щебетать. "Кто этот загадочный странник?" — спрашивали они друг друга. Скворец остался очень доволен собой. Когда наступила ночь, и полная луна ярко светила на небе, он заглянул попрощаться к Счастливому Принцу.

"У тебя нет какихнибудь поручений в Египте?" — прокричал Скворец: "Я сейчас как раз туда отправляюсь".

"Дорогой Скворец, — сказал Принц, — ты не останешься со мной еще на одну ночь?"

"Но меня ждут в Египте", — ответил Скворец. "Завтра мои друзья полетят к Великому Водопаду. Там, среди камышей, в зарослях таятся левиафаны. Там сидит на высоком гранитном троне царь Мемнон. Всю ночь он пристально смотрит на звезды, а когда появляется первый солнечный луч лишь один горький стон вырывается из него, и потом он опять пребывает в безмолвии. В полночь, огромные желтые львы спускаются к реке, чтобы напиться воды. Их глаза светятся в ночи, подобно зеленоватым бериллам, а грозный рык звучит громче грохота водопада.

"Милый мой Скворец", — сказал Принц. — Далеко отсюда я вижу юношу, склонившегося над столом, заполненным бумагами. Он работает на низком чердаке, а рядом с ним, в стакане, стоит букетик засохших фиалок. У него коричневые, вьющиеся волосы и воспаленные обветренные губы. Большие глаза устало смотрят на работу. Ему надо успеть закончить пьесу для Директора Театра, но юноша так замерз, что уже не может писать. В камине давно нет огня, а от голода он уже обессилел".

"Я останусь с тобой еще на одну ночь", — сказал Скворец. У него действительно было доброе сердце. "Мне отнести еще один рубин?"

"Увы! У меня больше нет рубинов", — сказал Принц. "Все что осталось — это мои глаза. Они сделаны из редких драгоценных сапфиров, которые привезли из Индии тысячу лет назад. Выключь один из них, и отнеси юноше. Он продаст его ювелиру, купит себе дров, и окончит пьесу.

"Дорогой Принц", — сказал Скворец, — но я не могу этого сделать", и горько заплакал. "Маленький, маленький скворчонок, — промолвил Принц, — сделай, как я велю".

Тогда Скворец выклевал один глаз Принца, и полетел на чердак к бедному сочинителю. Попасть внутрь было нетрудно, потому что крыша была насквозь дырявой. Сразу под ней — темная комнатка. Юноша спал за столом, положив голову на руки, и не слышал шума птичьих крыльев. Когда, очнувшись, он поднял голову — на засохших фиалках лежал

великолепный сапфир. "Меня начинают понимать! — вскричал он. — Кто-то прочел мою книгу. Сейчас, сейчас я закончу эту пьесу!" Теперь у него был вид самого счастливого человека на земле.

На следующий день Скворец полетел в гавань. Он сидел на мачте огромного парусника, и смотрел, как моряки вытягивали на канатах большие ящики из трюма. "Взя-ли! Раз-Два!" — кричали они, поднимая очередной ящик. "Я лечу в Египет!" — закричал Скворец, но никому не было до него никакого дела.

Когда взошла луна, он залетел к Счастливому Принцу. "Я хочу попрощаться с тобой, — прокричал он. "Добрый Скворец, — сказал Принц, — ты не останешься со мной еще на одну ночь?"

"Уже зима, — ответил Скворец, — и скоро сюда придет холодный Снег. А в Египте солнце греет верхушки пальм, крокодилы нежатся в теплой тине, и лениво посматривают на все вокруг. Мои друзья строят гнездо в Баальбеке, а белые и розовые голуби воркуют, наблюдая за ними. Дорогой Принц, я должен улететь, но я никогда не забуду тебя. Следующей весной я принесу тебе два прекрасных драгоценных камня, вместо тех, которые ты отдал. Рубин будет алее красных роз, а сапфир голубее Великого Моря".

"Там внизу, на площади, — сказал Счастливый Принц, — стоит маленькая девочка, которая продает спички. Она уронила спички в канаву, и теперь они все промокли. Отец будет бить ее, если она не принесет денег, поэтому она плачет. У нее нет ни ботинок, ни чулок, и ветер продувает ее насквозь. Возьми мой второй глаз и отнеси ей, тогда отец не накажет ее".

"Я останусь с тобой еще на одну ночь, — сказал Скворец, — но я не могу взять твой второй глаз. Ты тогда станешь слепым!" "Милый мой Скворец! — сказал Принц. — сделай, как я велю тебе".

Скворец выклевал второй глаз Принца, и ринулся вниз. Он промелькнул мимо девочки, а когда она опомнилась, в ее ладони сверкал сапфир. "Какая стекляшечка!" — обрадовано сказала она, и весело побежала домой.

Скворец вернулся к Принцу и сказал: "Ты теперь совсем слеп, и я останусь с тобой навсегда".

"Нет, маленький мой Скворец, — сказал несчастный принц, — тебе пора лететь в Египет".

"Я останусь с тобой навсегда", — повторил Скворец, и заснул в ногах у Принца.

Уже рано утром он сидел на плече у Принца и рассказывал ему все, что он видел за морем. Он рассказал про красных ибисов, которые стоят вдоль берегов Нила, и ловят своими клювами золотых рыбок; про Сфинкса, который стар как мир, живет один в страшной пустыне, и знает все что происходит на земле; про торговцев, чинно путешествующих на спинах своих верблюдов с янтарными четками в руках; про черного, как смола, Царя Лунных Гор, который поклоняется Сияющему Кристаллу; про огромного зеленого змея, который живет на пальме, а двадцать жрецов кормят его сладкими лепешками; про карликов, которые переплывают озера на листьях гигантских деревьев, и вечно воют с бабочками.

"Добрый мой Скворец, — сказал Принц. — Ты рассказал мне много удивительного, но что может быть удивительнее человеческого горя. Нет Тайны столь великой, как Страданье. Облети, маленький Скворец, мой город, и расскажи, что ты увидишь".

И Скворец полетел над городом, и увидел богатых, веселящихся во все дни светло, и нищих

сидящих у ворот их. Он полетел по темным переулкам, и увидел изможденные лица голодных детей, устало смотревших на пустынные, черные улицы. Под аркой моста, обнявшись, чтобы хоть немного согреться, лежали два мальчика.

"Есть хочется" — еле слышно шептали они.

"Здесь лежать не положено!" — прокричал им Смотритель Порядка, и они побрели куда-то под проливным дождем.

Скворец вернулся, и рассказал Принцу все, что увидел. "Я весь покрыт чистым золотом", — отвечал Принц. "Сними его, и раздай моим беднякам; люди уверены, что золото может сделать их счастливыми".

Листочек за листочком Скворец снимал золото, пока Счастливый Принц не стал совсем серым и печальным. Листочек за листочком он разносил золото бедным, и на лицах детей появился румянец. "У нас есть хлеб", — радостно кричали они, играя друг с другом и весело толкаясь. Потом пришел Снег, а за ним и Мороз. Улицы стали такими светлыми и блистающими, словно они были сделаны из стекла. Хрустальными кинжалами свисали с крыш длинные сосульки. Жители завернулись в шубы, а дети, свисали с крыш. Жители завернулись в шубы, а дети, надев теплые шапочки, помчались на каток.

Маленький Скворец все больше и больше замерзал. Когда булочник не видел его, он подбирал крошки перед дверью кондитерской. Бедняжка пытался согреться, хлопая крыльями. Наконец он понял, что умирает. Собрав свои силы, он последний раз взлетел на плечо Счастливого Принца.

"Прощайте, дорогой Принц! — выговорил он. — Разрешите мне поцеловать Вашу руку".

"Маленький Скворец, я рад, что ты наконец-то побываешь в Египте, — сказал Принц. — Ты слишком долго здесь задержался. Но тебе надо поцеловать меня в губы, ведь я люблю тебя".

"Но я отправляюсь не в Египет, — сказал Скворец. — Я отправляюсь в Замок Смерти. Смерть — сестра Сна, правда?" Он поцеловал Счастливого Принца в губы, и упал на его туфли.

В этот момент, странный треск прозвучал внутри памятника, будто что-то разбилось. Это оловянное сердце расколосось надвое.

Был жуткий мороз.

Следующим утром, Городской Глава проходил по площади, окруженный своими Советниками. Подойдя к колонне он поднял голову вверх. "Бог ты мой! — воскликнул он. Наш Принц-то совсем поистрепался!" "Действительно", — сказали Советники, которые всегда соглашались с Главой, и тоже посмотрели наверх.

"Рубин выпал, глаз больше нет, и позолота облезла, — сказал Глава. — Ничуть не лучше нищего!"

"Ничуть не лучше нищего", — повторили Советники.

"И какая-то мертвая птица у него в ногах! — продолжал Глава. — Нам надо издать Указ, что птицам КАТЕГОРИЧЕСКИ запрещается умирать здесь".

И Секретарь сделал пометку в своей записной книжке. Памятник Счастливому Принцу убрали.

"Раз он более не прекрасен, то он более и не нужен". — сказал Профессор Искусств в Университете.

Затем памятник расплавили в печи, и Городской Совет стал решать, что делать с металлом. "Конечно же, — сказал Глава, — надо сделать новый памятник. — И на этот раз мне".

"И на этот раз мне", — повторили Советники, и сразу переругались друг с другом. Так они бранятся до сих пор.

"Что такое? — спросил сам себя Смотритель Печи. — Это разбитое оловянное сердечко не расплавилось! Ну и шут с ним!" И он швырнул его на грязную свалку, где уже лежал мертвый Скворец.

И сказал Господь Ангелу Своему: "Спустишься в этот город, и принеси Мне самое драгоценное, что найдешь там". Пошел Ангел по слову Господню, взял с мусорной кучи оловянное сердечко и мертвую птицу, и принес их пред лицо Божие. "Ты правильно выбрал, — сказал Господь. — Голос Маленького Скворца не умолкнет в саду Моем, а Счастливый Принц восславит Меня в Небесном Городе Любви, и радости этой никто не отнимет у них".

Молодой король

*Посвящается Маргарет леди Брук,
рани Саравака*

Перевод В. Орла

Вечером накануне дня Коронации молодой Король сидел один в своей великолепной спальне. Придворные уже удалились, отвешивая ему низкие поклоны согласно чопорным обычаям того времени, и вернулись в Большой Дворцовый Зал, дабы получить последние наставления у Профессора Этикета, — ведь кое-кто из них еще не утратил естественности манер, а вряд ли стоит напоминать, что у царедворца это серьезный, порок.

Юношу — а Король был юношей, которому едва минуло шестнадцать лет — не огорчил уход придворных: с глубоким вздохом облегчения откинулся он на мягкие подушки роскошного ложа и так лежал, приоткрыв рот и глядя перед собою пугливыми глазами, подобно смуглолицему лесному фавну или молодому зверю, который попался в расставленную охотниками западню.

Его и в самом деле нашли охотники, ненароком повстречавшие юношу, когда тот, босиком и со свирелью в руке, гнал стадо бедного пастуха, который взрастил его и сыном которого он всегда себя почитал. Сын единственной дочери старого Короля, родившийся от тайного союза с человеком, стоявшим много ниже ее, — с чужеземцем, как говорили одни, который дивными чарами своей лютни заслужил любовь юной Принцессы, или, как говорили другие, с художником из Римини, которому Принцесса оказала много, пожалуй, слишком много внимания и который внезапно исчез из города, так и не закончив роспись в Соборе, — он, когда была ему от роду неделя, был похищен у матери, пока та спала, и отдан на попечение простого крестьянина и его жены, не имевших своих детей и живших в глухом лесу, больше чем в дне езды от города. Через час после пробуждения родившая его белокурая девушка умерла от горя, или от чумы, как утверждал придворный медик, или от молниеносного итальянского яда, подмешанного в чашу вина с пряностями, как поговаривали люди, и между тем как верный гонец, увезший младенца в седле, спешил со взмыленного коня и постучал в грубо сколоченную дверь пастушьей хижины, тело Принцессы опустили в могилу, вырытую на

заброшенном кладбище за городскими воротами, в могилу, где, как рассказывали, уже лежало тело юноши, наделенного чудесной чужеземной красотой, с руками, стянутыми за спиной веревками, и грудью, испещренной алыми кинжальными ранами.

Так, по крайней мере, гласила молва. А верно то, что на смертном одре старый Король то ли раскаялся в своем великом грехе, то ли просто пожелал сохранить королевство за своими потомками, послал за юношей и в присутствии Совета провозгласил его своим наследником.

И кажется, что в первое же мгновение юноша выказал знаки той странной страсти к прекрасному, которой суждено было столь сильно повлиять на его жизнь. Те, что сопровождали юношу в отведенные для него покои, не раз повествовали о том, как с уст его сорвался крик радости, когда он увидел приготовленные для него изящные одежды и драгоценные камни, и о том, с каким почти яростным наслаждением сбросил он с себя грубую кожаную тунику и плащ из овчины. Порою, правда, ему недоставало свободной лесной жизни, и он, случалось, досадовал на докучные дворцовые церемонии, ежедневно отнимавшие столько времени, но чудесный дворец — или, как его называли, Joyeuse {Радостный, счастливый (фр.)}, — хозяином которого стал юноша, представлялся ему новым миром, словно нарочно созданным для наслаждения, и стоило ему ускользнуть с заседания Совета или аудиенции, как он сбегал по широкой лестнице со ступенями из яркого порфира и бронзовыми львами по сторонам и, блуждая по анфиладам комнат и галереям, словно бы пытался красотой умерить боль и исцелиться от недуга.

В этих, как говорил он сам, странствиях в неведомое — ибо воистину для него это были путешествия по волшебной стране — его иногда сопровождали стройные и белокурые дворцовые пажи в развевающихся плащах и пестрых трепещущих лентах, но чаще он бродил один, понимая благодаря какому-то острому инстинкту, почти озарению, что тайны искусства должно познавать втайне и что Красота, подобно Мудрости, любит, когда ей поклоняются в одиночестве.

Много загадочного рассказывали о нем в ту пору. Говорили, что доблестный Бургомистр, прибывший к нему, дабы произнести витийственное приветствие от имени горожан, узрел юношу коленапреклоненным в неподдельном восторге перед картиной, только что присланной из Венеции, и это, казалось, возвещало почитание новых богов. В другой раз он исчез на несколько часов, и после продолжительных поисков его нашли в каморке, в одной из северных башен дворца, где он, оцепенев, любовался греческой геммой с изображением Адониса. Молва гласила, что видели, как прижимался он горячими губами к мраморному челу античной статуи, на которой было начертано имя вифинского раба, принадлежавшего Адриану, и которую обнаружили на дне реки при постройке каменного моста. Целую ночь провел он, следя, как играет лунный свет на серебряном лице Эндимиона.

Все, что было редко и драгоценно, постоянно влекло юношу, и в погоне за редкостями он посылал в путь множество купцов: одних — торговать янтарь у грубых рыбаков северного моря, иных — в Египет, искать ту необыкновенную зеленую бирюзу, которая заключена в одних лишь могилах фараонов и обладает, говорят, чудодейственными свойствами, иных — в Персию, за шелковыми коврами и расписной посудой, прочих же — в Индию, покупать кисею и раскрашенную слоновую кость, лунные камни и браслеты из нефрита, сандал, лазурную финишь и тонкие шерстяные шали.

— Но больше всего иного занимало его одеяние из тканого золота, предназначенное для коронации, усеянная рубинами корона и скипетр, покрытый полосками и ободками жемчугов. Именно об этом думал он в тот вечер, лежа на своем роскошном ложе и глядя, как догорает в камине большое сосновое полено. Уже много месяцев назад вручили ему эскизы, выполненные

знаменитейшими художниками того времени, и он распорядился, чтобы ремесленники ночью и днем трудились над его одеянием и чтобы по всему миру искали драгоценные камни, достойные их труда. Он воображал себя в прекрасном королевском облачении перед высоким алтарем Собора, и на его детских губах подолгу играла улыбка, озаряя ярким блеском его темные лесные глаза.

Немного погодя он встал и, опершись о резную полку над камином, оглядел погруженную в полумрак спальню. По стенам висели дорогие гобелены, изображавшие Торжество Красоты. В углу стоял большой шкаф, инкрустированный агатами и ляписом-лазурью, а напротив окна находился поставец редкой работы, с лаковыми панно, украшенными золотыми блестками и мозаикой, на котором были расставлены хрупкие кубки венецианского стекла и чаша из оникса с темными прожилками. Шелковое покрывало на ложе было расшито бледными маками, которые, казалось, не смогли удержать ослабевшие руки сна, и стройные тростинки резной слоновой — кости поддерживали бархатный балдахин, а над ним белой пеной вздымались страусовые перья, достигая бледно-серебристого лепного потолка. Смеющийся Нарцисс из зеленоватой бронзы держал над головой полированное зеркало. На столе стояла плоская аметистовая чаша.

Из окна открывался вид на огромный купол Собора, нависший громадным шаром над призрачными домами, да на усталых часовых, шагавших взад-вперед по террасе, едва различимой в речном тумане. Далеко в саду запел соловей. Слабый запах жасмина донесся из открытого окна. Юноша откинул со лба темные кудри и, взяв лютню, коснулся пальцами струн. Отяжелевшие веки его опустились, и им овладела странная истома. Никогда прежде не ощущал он с такой остротой и утонченной радостью таинство и волшебство прекрасных вещей.

Когда часы на башне пробили полночь, он коснулся рукой колокольчика, и вошли его пажи и, согласно церемонии, сняли с него одежды, окропили его руки розовой водой и усыпали его подушку цветами. Затем они оставили спальню, и несколько мгновений спустя юноша уснул.

И он спал, и видел сон, и вот что приснилось ему.

Ему привиделось, что он — под самой крышей, в душной мастерской, и вокруг шумит и стучит множество ткацких станков. Чахлый свет пробивался сквозь зарешеченные окна, и в его отблесках молодой Король видел склонившихся над станками изможденных ткачей. Бледные, больные на вид дети съезжившись сидели на толстых поперечинах станков. Когда челноки проскакивали сквозь основу, дети поднимали тяжелые рейки, а когда челноки останавливались, они опускали рейки и оправляли нити. От голода щеки у детей втянулись, а исхудалые руки тряслись и дрожали. За столом сидели несколько изнуренных женщин и шили. Чудовищный запах стоял в мастерской. Воздух был тяжелый и нездоровый, а с заплесневелых стен сочилась влага.

Молодой Король подошел к одному из ткачей и, стоя рядом, смотрел на него.

И ткач сердито взглянул на юношу и сказал:

— Отчего ты смотришь за мной? Не соглядатай ли ты, приставленный к нам хозяином?

— Кто твой хозяин? — спросил молодой Король.

— Хозяин? — с горечью воскликнул ткач. — Он такой же человек, как я. Воистину разница меж нами лишь в том, что он носит добрую одежду, а я хожу в лохмотьях, что я ослабел от голода, а он немало страдает от обжорства.

— В нашей стране все свободны, — сказал молодой Король, — и ты не раб.

— На войне, — отвечал ткач, — сильный поработает слабого, но наступит мир, и богатый поработает бедного. Мы работаем, чтобы выжить, но нам платят так скудно, что мы умираем. Целыми днями мы трудимся на богачей, и они набивают сундуки золотом, и наши дети увядают раньше времени, и лица любимых суровеют и ожесточаются. Мы давим виноград, но вино пьют другие. Мы сеем хлеб, но пусто у нас на столе. На нас оковы, но их никто не видит; мы рабы, но зовемся свободными.

— Все ли живут так? — спросил молодой Король.

— Все живут так, — ответил ткач, — молодые и старые, женщины и мужчины, малые дети и старики. Нас грабят купцы, но нам приходится соглашаться на их цены. Священник проезжает мимо, перебирая четки, и никому нет до нас дела. Наши не знающие солнца закоулки обходит, озираясь голодными глазами, Нищета, и Грех с бесчувственным от пьянства лицом следует за нею. Горе будит нас по утрам, и Стыд сидит подле нас ночью. Но что тебе в том? Ты не из нас. Твое лицо слишком радостно.

И ткач отвернулся, и пропустил челнок через основу, и молодой Король увидел, что его уток — золотая нить. И объял его великий страх, и он сказал ткачу:

— Что за одеяние ты ткешь?

— Это наряд для коронации молодого Короля, — ответил ткач. — Что тебе в том?

И молодой Король издал громкий крик и проснулся — и вот он снова лежал в своих покоях и, глянув в окно, увидел медвяную луну, висевшую в сумрачном небе.

И он снова уснул, и видел сон, и вот что приснилось ему.

Ему привиделось, что он лежит на палубе огромной галеры, приводимой в движение сотней рабов-гребцов. Рядом с ним на ковре сидел капитан галеры. Он был черен, как эбеновое дерево, и тюрбан его был из алого шелка. Большие серебряные серьги оттягивали мочки его ушей, и в руках у него были весы из слоновой кости.

На рабах были лишь ветхие набедренные повязки, и каждый из них был прикован цепью к соседу. Над галерой полыхало жаркое солнце, а меж рабами бегали негры и полосовали их сыромятными ремнями. Рабы напрягали тощие руки и погружали тяжелые весла в воду. Из-под весел взлетали соленые брызги.

Наконец, достигнув маленькой бухты, они принялись промеривать глубину. Легкий ветерок дул в сторону моря и покрывал палубу и большой латинский парус мелкой красной пылью. Прискакали три араба на диких ослах и метнули в них копьа.

Капитан галеры поднял разноцветный лук, и его стрела вонзилась в горло одного из арабов. Тот плашмя рухнул в прибой, а его товарищи ускакали. Женщина в желтой чадре медленно двинулась за ними на верблюде, то и дело оглядываясь на мертвое тело.

Как только был брошен якорь и спущен парус, негры сошли в трюм и вынесли оттуда длинную веревочную лестницу с тяжелыми свинцовыми грузилами. Капитан галеры перебросил лестницу через борт и закрепил ее концы на двух железных стойках. Потом негры схватили самого молодого из рабов, и сбили с его ног кандалы, и запечатали его ноздри и уши воском, и привязали к его поясу тяжелый камень. Раб медленно спустился по лестнице и исчез в море. В

том месте, где он погрузился в воду, поднялись пузырьки. Другие рабы с любопытством глядели за борт. На носу галеры сидел заклинатель акул и монотонно бил в барабан.

Спустя некоторое время ныряльщик показался из воды и, тяжело дыша, уцепился за лестницу, и в правой руке держал он жемчужину. Негры отобрали ее и столкнули раба обратно в воду. Другие рабы дремали за веслами.

Ныряльщик являлся снова и снова и каждый раз приносил прекрасный жемчуг. Капитан галеры взвешивал жемчужины и прятал их в кошелек зеленой кожи.

Молодой Король хотел заговорить, но губы его не слушались и язык, казалось, присох к небу. Негры болтали друг с другом и ссорились из-за нитки разноцветных бус. Два журавля кругами летали над судном.

Затем ныряльщик появился в последний раз, и принесенная им жемчужина была прекраснее всех жемчугов Ормуза, ибо она была подобна полной луне и казалась белее утренней звезды. Но лицо ныряльщика было до странности бледным, и, когда он упал на палубу, кровь хлынула из его ушей и ноздрей. Он вздрогнул и замер. Негры пожалы плечами и бросили тело за борт.

И капитан галеры засмеялся, и, протянув руку, взял жемчужину, и, посмотрев на нее, он прижал ее ко лбу и поклонился.

— Эта жемчужина, — сказал он, — украсит скипетр молодого Короля. — И дал неграм знак поднимать якорь.

И, услышав это, молодой Король пронзительно вскрикнул и проснулся, и за окном он увидел длинные тусклые персты зари, вцепившиеся в бледнеющие звезды.

И он снова уснул, и видел сон, и вот что приснилось ему.

Ему привиделось, что он бредет по сумрачному лесу, а вокруг растут странные плоды и прекрасные ядовитые цветы. Вслед ему шипели гадюки, и разноцветные попугаи крича перелетали с ветки на ветку. Грузные черепахи спали в теплой тине. На деревьях сидело множество обезьян и павлинов.

Он шел и шел, пока не достиг опушки, и там увидел он великое множество людей, работавших в русле высохшей реки. Толпами взбирались они на утесы, подобно муравьям. Они рыли глубокие колодцы в почве и спускались туда. Одни из них огромными топорами раскалывали камни, другие рылись в песке. Они с корнями вырвали кактус и растоптали алые цветы. Они спешили, переключались, и не один не оставался без дела.

Из темной пещеры на них взирали Смерть и Корусть, и Смерть сказала:

— Я устала. Отдай мне треть этих людей, и я уйду. Но Корусть покачала головой.

— Нет, они мои слуги, — сказала она. И Смерть молвила:

— Что у тебя в руке?

— Три пшеничных зерна, — ответила Корусть. — Что тебе в том?

— Дай мне одно! — воскликнула Смерть. — Я посею его в моем саду. Одно лишь зерно, и тогда я уйду.

— Ничего я не дам тебе, — сказала Корысть и спрятала руку в складках одежды.

И Смерть засмеялась, и взяла чашу, и окунула ее в лужу, и из чаши восстала Лихорадка. Лихорадка обошла все великое множество людей, и каждый третий упал замертво. За нею тянулся холодный туман, и водяные змеи ползли у нее по бокам.

И когда Корысть увидела, что треть всех людей мертва, она стала бить себя в грудь и рыдать. Она била себя в иссохшую грудь и громко кричала.

— Ты убила треть моих слуг! — возопила она. — Иди же прочь. В горах Татарию идет война, и цари воюющих племен взывают к тебе. Афганцы зарезали черного быка и выступили в поход. Они надели железные шлемы и барабанят копьями по щитам. На что тебе моя долина, зачем медлишь ты здесь? Иди же прочь и более не возвращайся.

— Нет, — ответила Смерть, — пока не дашь мне пшеничного зерна, я не уйду.

Но Корысть сжала ладонь и стиснула зубы.

— Ничего не дам я тебе, — пробормотала она.

И Смерть засмеялась, и подняла черный камень, и бросила его в лес, и из зарослей дикого болиголова в огненном одеянии явилась Горячка. Она обошла все великое множество людей и касалась их рукой, и кого коснулась она — тот умирал. И под ногами ее увядала трава.

И задрожала Корысть, и осыпала пеплом свою главу.

— Ты безжалостна, — возопила она, — ты безжалостна. В индийских городах голод, и колодцы Самарканда иссякли. В египетских городах голод, и саранча пришла из пустыни. Нил вышел из берегов, и жрецы возносят молитву Исиде и Осирису. Иди к ждущим тебя и оставь моих слуг.

— Нет, — ответила Смерть, — пока не дашь мне пшеничного зерна, я не уйду.

— Ничего не дам я тебе, — сказала Корысть.

И снова засмеялась Смерть, и, вложив пальцы в рот, свистнула, и на свист прилетела по воздуху женщина. "Чума" было написано на ее челе, и стая тощих стервятников кружилась вокруг нее. Они распростерли свои крыла над долиной, и все люди упали замертво.

И Корысть с пронзительным криком бросилась в лес, а Смерть вскочила на своего красного коня и ускакала, и скакала она быстрее ветра.

И из слизи, скопившейся на дне долины, выползли драконы и чешуйчатые чудовища, и шакалы забегали по песку, ощупывая ноздрями воздух.

И молодой Король заплакал и сказал:

— Кто были те люди и чего искали они?

— Они искали рубины для королевской короны, — ответил тот, кто стоял у него за спиной.

И молодой Король вздрогнул и, повернувшись, увидел человека в одеждах паломника и с серебряным зеркалом в руках.

И молодой Король побледнел и спросил:

— Чья это корона? И паломник ответил:

— Посмотри в это зеркало и увидишь чья.

И юноша глянул в зеркало и, узрев там свое лицо, пронзительно вскрикнул и проснулся, и яркий солнечный свет лился в его покои, и на деревьях в саду пели птицы.

И пошли Гофмейстер и главные сановники Государства и поклонились ему, и пажи поднесли ему облачение, тканное золотом, и положили пред ним корону и скипетр.

И молодой Король посмотрел на это облачение, и оно было прекрасно. Оно было прекраснее всего, что он видывал раньше! Но он вспомнил, что снилось ему, и сказал вельможам:

— Унесите это, ибо этого я не приму.

И придворные изумились, и иные из них засмеялись, решив, что он шутит.

Но он остался непреклонен и сказал снова:

— Уберите это и спрячьте от меня. Хотя сегодня день моей коронации, я этого не приму. Ибо одеяние это соткано на ткацком стане Скорби белыми руками Боли. В сердце рубина — Кровь, и в сердце жемчуга — Смерть.

И он поведал им три своих сна.

И, услышав их, царедворцы, переглядываясь и перешептываясь, говорили:

— Воистину он лишился рассудка, ибо сон не есть ли просто сон, а видение — просто видение? Разве явь они, чтобы их остерегаться? И что нам жизнь тех, кто трудится на нас? И воздерживаться ли от хлеба, пока не увидишь пахаря, и от вина, пока не молвишь слова с виноградарем?

И Гофмейстер обратился к молодому Королю и сказал:

— Государь мой, прошу тебя: оставь эти черные мысли, и надень это прекрасное облачение, и возложи корону на голову. Ибо как народу знать, что ты король, если не будешь облачен по-королевски?

И посмотрел на него молодой Король.

— Воистину ли так? — спросил он. — И не узнают во мне короля, если не облачусь по-королевски?

— Не узнают, мой государь, — воскликнул Гофмейстер.

— Я думал прежде, что иным дан королевский облик, — ответил молодой Король. — Но может быть и так, как говоришь. Однако я не хочу ни этого одеяния, ни этой короны, но каким вошел во дворец, таким и выйду из него.

И молодой Король отослал всех прочь, кроме одного пажы, отрока, который был моложе его на год и был оставлен им себе в сотоварищи. Его оставил он служить себе, и совершив омовение прозрачной водой, открыл большой крашеный сундук, и оттуда достал кожаную тунику и накидку из грубой овчины, которые носил, когда стерег на склонах холмов длиннорунных коз пастуха. Он надел тунику и плащ и взял грубый пастуший посох.

И маленький паж, удивляясь, широко раскрыл синие глаза и с улыбкой сказал ему:

— Государь мой, вот одеяние твое и скипетр, но я не вижу короны.

И молодой Король сорвал побег дикого вереска, обвившего балкон, и сделал из него венец и возложил его на голову.

— Вот корона, — ответил он.

И, так облачась, он вышел из своих покоев в Большой Зал Дворца, где ждали его придворные.

И развеселились придворные, и иные закричали ему:

— Государь, народ ждет короля, ты же явишься ему нищим. И разгневались другие и сказали:

— Он навлек бесчестье на наше королевство и не достоин править нами.

Но он не сказал им ни слова, а пошел далее, и спустился по лестнице из блистающего порфира, и вышел из бронзовых ворот, и сел на коня, и поскакал к Собору, а маленький паж бежал следом за ним.

И народ смеялся и говорил:

— Вот едет королевский шут, — и потешался над ним. И он натянул поводья и сказал:

— Не шут я, но Король.

И он поведал им три своих сна.

И вышел из толпы человек, и обратился к нему, и с горечью сказал:

— Государь, не зиждется ли жизнь бедного на роскоши богатого? Ваше великолепие кормит нас, и ваши пороки дают нам хлеб. Работать на хозяина горько, но когда работать не на кого — еще горше. Думаешь ли, что вороны нас прокормят? И знаешь ли от этого лекарство? Велишь ли покупающему, да купит за столько-то, и продающему, да продаст за столько-то? Не может такое стать. Потому воротись во Дворец и облачись в пурпур и тонкие ткани. Что тебе мы и наши страдания?

— Не братья ли богатый и бедный? — спросил молодой Король.

— Братья, — ответил тот, — и имя богатому — Каин.

И глаза молодого Короля наполнились слезами, и он тронулся в путь под ропот толпы, и маленький паж испугался и оставил его.

И когда он достиг соборных врат, стражи выставили свои алебарды и сказали:

— Чего тебе надобно здесь? Никто, кроме Короля, да не войдет в эти двери.

И лицо его покраснело от гнева, и он сказал им:

— Я Король, — и он отвел в сторону их алебарды и вошел.

И когда старый епископ увидел его, одетого пастухом, то в изумлении поднялся со своего

места, и пошел навстречу ему, и сказал:

— Сын мой, в королевском ли ты облачении? И какой короной буду венчать тебя, и какой скипетр вложу в твою руку? Воистину се день твоей радости, а не унижения.

— Должно ли Радости облачиться в сотканное Горем? — спросил молодой Король.

И он поведал ему три своих сна. Епископ же, услышав их, нахмурил брови и сказал:

— Сын мой, я стар и на склоне лет знаю, что много зла творится в мире. Беспощадные разбойники спускаются с гор, и уносят малых детей, и продают их маврам. Львы подстерегают караваны и набрасываются на верблюдов. Дикие вепри вытаптывают посевы на равнинах, и лисы обглаживают виноградники на склонах гор. Пираты опустошают морское побережье, и жгут рыбацкие лодки, и отнимают у рыбаков сети. Прокаженные обитают в солончаках и плетут тростниковые хижины, и никто не смеет приблизиться к ним. Нищие бродят по городам и едят вместе с псами. Можешь ли ты сделать, чтобы этого не было? Положишь ли к себе в постель прокаженного, посадишь ли нищего с собой за стол? Послушает ли лев твою просьбу и покорится ли тебе кабан? Разве Тот, кто создал нищету, не мудрее тебя? Потому не хвалю тебя за то, что ты содеял, но прошу: поезжай во Дворец, и да будет на лице твоём веселье, и на тебе — одежда, подобающие королю, и я возложу на твою голову золотую корону и вложу в твою руку жемчужный скипетр. Что же до твоих снов, не помышляй о них более. Бремя мира сего не вынести одному человеку, и скорбь мира сего не выстрадать одному сердцу.

— В чьем доме говоришь ты это? — сказал молодой Король, и прошел мимо епископа, и поднялся по ступеням алтаря, и предстал перед ликом Христовым.

Он стоял перед ликом Христовым, и ошую и одесную от него были чудесные золотые сосуды — потир с янтарным вином и чаша с миррой. Он преклонил колени перед ликом Христовым, и ярко горели высокие свечи вокруг усеянной драгоценными камнями святыни, и благовонный дым курясь поднимался к куполу тонкими голубыми венчиками. Склонив голову, он молился, и священнослужители неслышно отошли от алтаря в своих неуклюжих ризах.

И вдруг в дверях послышался страшный шум, и в храм вошли придворные с обнаженными мечами, и перья покачивались на их шляпах, а стальные щиты сверкали.

— Где этот сновидец? — кричали они. — Где этот Король, ряженный нищим, этот мальчишка, покрывший позором наше королевство? Воистину мы убьем его, ибо он недостоин править нами.

И молодой Король вновь опустил голову, и молился, и, окончив молитву, встал, и, обернувшись, печально смотрел на них.

И вот через оконные витражи на него хлынул солнечный свет и лучи солнца соткали вокруг него облачение прекраснее того, что сделали ради его роскоши. Мертвый посох расцвел, и на нем распустились лилии, которые были белее жемчуга. Сухой шип расцвел, и на нем распустились розы, которые были краснее рубинов. Белее отборных жемчужин были лилии, и стебли их были чистого серебра. Краснее кровавых рубинов были розы, и листья их были чеканного золота.

Он стоял в королевском облачении, и врата изукрашенного драгоценными камнями алтаря отверзлись, и из хрустальных граней дароносицы полился таинственный, дивный свет. Он стоял в королевском облачении, и святые, казалось, ожили в глубоких нишах. В прекрасном королевском облачении предстал он пред ними, и загудел орган, и затрубили в свои трубы

трубачи, и запели певчие,

И народ в страхе преклонил колени, и придворные вложили мечи в ножны и присягнули ему на верность, и лицо епископа побледнело, а руки его задрожали.

— Тот, кто выше меня, венчал тебя! — воскликнул он и встал перед ним на колени.

И молодой Король спустился со ступеней алтаря и, пройдя сквозь толпу, пошел во Дворец. Но никто не смел взглянуть ему в лицо, ибо оно было подобно ангельскому лику.

День рождения Инфанта

Это был день рождения Инфанта. Ей исполнилось ровно двенадцать лет, и солнце ярко светило в дворцовых садах.

Хотя она была настоящая Принцесса, и при том наследная Принцесса Испанская, день рождения у нее был только один за весь год, как и у бедных детей, и потому, естественно, для всей страны было чрезвычайно важно, чтобы погода ради такого дня была хорошая. И погода действительно была очень хорошая. Высокие полосатые тюльпаны стояли, вытянувшись на своих стеблях, как длинные шеренги солдат, и вызывающе поглядывали через лужайку на розы и говорили им:

— Смотрите, теперь мы такие же пышные, как и вы.

Порхали алые бабочки с золотой пылью на крылышках, навещая по очереди все цветы; маленькие ящерицы выползали из трещин стены и грелись, недвижимые, в ярком солнечном свете; гранаты лопались от зноя, обнажая свои красные, истекающие кровью сердца.

Даже бледно-желтые лимоны, свешивавшиеся в таком изобилии с полуистлевших решеток и мрачных аркад, как будто сделались ярче от удивительно яркого солнечного света, а магнолии раскрыли свои шарообразные большие цветы, наполняя воздух сладким и густым благоуханием.

Маленькая Принцесса прогуливалась по террас со своими подругами, играла с ними в прятки вокруг каменных ваз и древних, обросших мхом статуй. В обыкновенные дни ей разрешалось играть только с детьми одинакового с ней сана и звания, а потому ей всегда приходилось играть одной; но день рождения был особенный, исключительный день, и Король позволил Инфанте пригласить кого угодно из ее юных друзей поиграть и повеселиться с нею. И была какая-то величавая грация в этих тоненьких и хрупких испанских детях, скользивших неслышною поступью: мальчики в шляпах с огромными перьями и коротеньких развевающихся плащах, девочки в тяжелых парчовых платьях с длинными шлейфами, которые они придерживали рукой, заслоняясь от солнца большими веерами, черными с серебром.

Но всех грациознее была Инфанта и всех изящнее одета по тогдашней, довольно стеснительной моде. Платье на ней было серое атласное, с тяжелым серебряным шитьем на юбке и на пышных буфах рукавов, а туго затянутый корсаж весь был расшит мелким жемчугом. Из-под платья; когда она шла, выглядывали крохотные туфельки с пышными розовыми бантами. Ее большой газовый веер был тоже розовый с жемчугом, а в волосах ее, которые были, как венчик из поблекшего золота на ее бледном личике, красовалась дивная белая роза.

Из окна во дворце за ними следил грустный, унылый Король. У него за спиной стоял его брат, Дон Педро Арагонский, которого он ненавидел, а рядом с ним сидел его духовник, Великий

Инквизитор Гренады. Король был даже грустнее обычного, потому что, глядя на Инфанту, как она с детской серьезностью отвечала на поклоны придворных, или же, прикрывшись веером, смеялась над сердитой герцогиней Альбукверкской, своей неизменной спутницей, он думал о юной Королеве, ее матери, которая еще совсем недавно — по крайней мере, так ему казалось — приехала из веселой французской земли и завяла среди мрачного величия испанского двора, умерла ровно полгода спустя после рождения Инфанты и не дождалась второй весны, когда в саду вновь зацвели миндальные деревья, и осенью на второй год уж не срывала плодов со старого фигового дерева, стоявшего по середине двора, ныне густо заросшего травой. И так велика у Короля была к ней любовь, что он не позволил и могиле скрыть от его взоров возлюбленную.

Он велел набальзамировать ее мавританскому врачу, которого, как говорили, уже осудила на казнь святая инквизиция по обвинению в ереси и подозрению в магии — и которому, в награду за эту услугу, была дарована жизнь. Тело усопшей и по сей час лежит на устланном коврами катафалке, в черной мраморной часовне дворца — совсем такое же, каким внесли его сюда монахи в тот ветреный мартовский день, лет двенадцать назад. И раз в месяц Король, закутанный черным плащом и с потайным фонарем в руке, входит в часовню, опускается на колени перед катафалком и зовет: "Mi reina! "Mi reina!" (моя королева). И порой, забыв об этикете, который в Испании управляет каждым шагом, каждым движением и ставит предел даже королевскому горю, в безумной тоске хватает бледные руки, сплошь унизанные дорогими перстнями, и пробует разбудить своими страстными поцелуями холодное, раскрашенное лицо.

Сегодня ему кажется, что он снова видит ее, какой увидел ее в первый раз, в замке Фонтенбло, когда ему было всего пятнадцать лет, а ей и того меньше. В тот же день они были формально обручены папским нунцием, в присутствии короля и всего двора, и королевич вернулся в Эскуриал, унося с собой легкий завиток золотистых волос и память прикосновения детских губок, прильнувших с поцелуем к его руке, когда он садился в карету.

А потом их наскоро повенчали в Бургосе, маленьком городке, на границ двух стран; а потом был торжественный въезд в Мадрид, с обычной торжественной мессой в церкви La Atocha, и более обыкновенного торжественное аутодафе, для которого были переданы светским властям на сожжение до трехсот еретиков, в том числе много англичан.

Разумеется, он безумно любил ее, любил, как думали многие, на погибель своей страны, в то время воевавшей с Англией за обладание империей Нового Света. Он почти ни на минуту не отпускал ее от себя; для нее он забывал, или казалось, что забывал, обо всех важных делах государства и, со страшной слепотою страсти, не замечал, что сложные церемонии, которыми он искал угодить ей, только усиливали странную болезнь, подтачивавшую ее здоровье. Когда она умерла, он на время словно лишился рассудка. Он даже несомненно отрекся бы от трона и удалился бы в большой траппистский монастырь в Гренаде, почетным приором которого он состоял уже давно, если бы только не боялся оставить маленькую Инфанту на попечение своего брата, сумевшего даже в Испании прославиться своей жестокостью и многими подозреваемого в том, что это он был причиной смерти Королевы, преподнеся ей пару отравленных перчаток во время посещения королевской четой его дворца в Арагонии. Даже когда истек срок государственного траура, наложенного королевским указом на три года во всех владениях испанской короны, Король не позволял своим министрам даже и заговаривать о новом браке; а когда сам Император заслал к нему сватов, предлагая ему в жены свою племянницу, прелестную Эрцгерцогиню Богемскую, он попросил послов передать своему господину, что он уж обвенчан с Печалью и, хотя эта супруга бесплодна, он все же предпочитает ее Красоте. Ответ этот стоил испанской короне богатых Нидерландских провинций, которые вскоре затем, по наущению Императора, восстали против Испании, под предводительством нескольких фанатиков, принадлежавших к реформаторской церкви.

Вся его супружеская жизнь, с бурными огневыми радостями и страшной мукой ее внезапного конца, как будто вернулась и прошла перед ним теперь, когда он в окно наблюдал за Инфантой, резвящейся на этой террасе. В ней была вся милая живость ее матери, та же своевольная манера вскидывать головку, тот же гордый изгиб прекрасного рта, та же дивная улыбка, — *vrai sourire de France* (настоящая французская улыбка), когда она порою взглядывала на окно или протягивала какому-нибудь важному испанцу свою крохотную ручку для поцелуя. Но звонкий детский смех был неприятен его слуху; безжалостно яркое солнце словно издавалось над его горем, а свежий утренний воздух был пропитан, или, может быть, это ему лишь мерещилось, тяжелым запахом аптекарских снадобий, какие употребляют при бальзамировании. Король закрыл лицо руками, и, когда Инфанта снова подняла глазки на окно, занавеси были уж спущены и Король удалился в свои покои.

Инфанта сделала недовольную гримаску и пожала плечиками, — уж мог бы он с ней побыть в день ее рождения. Очень надо заниматься этими глупыми государственными делами! Или, может быть, он пошел в ту мрачную часовню, где всегда горят свечи и куда ей входить не дозволено. Как это глупо с его стороны, когда солнце светит так ярко и всем так весело! И вот теперь он не увидит боя быков — не всамделишного, а так только в шутку — к которому уже зовет звук трубы, не увидит также и театра марионеток и других удивительных забав. Ее дядя и Великий Инквизитор много благоразумнее. Они пришли на террасу и наговорили ей столько любезностей.

Она тряхнула своей хорошенькой головкой и, взяв за руку Дона Педро, стала медленно спускаться по ступенькам к алому длинному обтянутому шелком павильону, воздвигнутому в конце сада; а за нею и другие дети, в строгой последовательности, соответственно знатности рода, так что те, у которых были самые длинные имена, шествовали впереди.

Навстречу Инфанте вышла процессия мальчиков из самых знатных семейств, одетых в фантастические костюмы тореадоров, и юный граф Тьерра-Нуэва, изумительно красивый мальчик лет четырнадцати, обнажив голову со всею грацией прирожденного идальго и гранда испанского, торжественно подвел ее к небольшому золоченому, с отделкой из слоновой кости, креслу, поставленному на возвышении над ареной. Дети сгруппировались около нее, перешептываясь между собой и обмахиваясь большими веерами, а Дон Педро и Великий Инквизитор, смеясь, стали у входа. Даже герцогиня, — *Camerega-Mayor*, как ее называли, — тощая, с суровыми чертами женщина в желтых брыжах, не казалась такой сердитой, как обыкновенно, и что-то вроде холодной улыбки скользило по ее морщинистому лицу, кривя тощие бескровные губы.

Это, бесспорно, был чудесный бой быков — и гораздо красивее, по мнению Инфанты, чем настоящий, тот, на который ее возили в Севилью, когда у отца ее гостил герцог Пармский. Некоторые из мальчиков с важностью разъезжали верхом на палочках-лошадках, покрытых роскошными чепраками, и размахивали длинными пиками, с веселыми пучками ярких лент; другие прыгали пешие перед быком, дразня его своими красными плащами и легко вскакивая на барьер, когда бык кидался на них; что касается самого быка, он был совсем как настоящий, хоть и сделан из ивовой плетенки, обтянутой кожей, и порой упорно бегал вдоль арены на задних ногах, что, конечно, и в голову не пришло бы живому быку. Сражался он великолепно, и дети пришли в такое возбуждение, что повскакали на скамейки, махали кружевными платочками и кричали: "Браво, торо! Браво, торо!" — совсем, как взрослые.

Наконец, после продолжительного боя, во время которого многие из игрушечных лошадок были проколоты насквозь рогами быка, а их наездники выбиты из седла, юный граф Тьерра-Нуэва заставил быка стать на колени и, получив от Инфанты разрешение нанести ему *coup de grace*, вонзил свою деревянную шпагу в шею животному с такою силой, что голова отскочила,

и обнаружилось смеющееся личико маленького мсье де Лоррэн, сына французского посланника в Мадриде.

Затем под звук рукоплесканий арена была очищена, и погибших лошадок торжественно уволокли со сцены два мавра-пажа в желтых с черным ливреях; и после краткого антракта во время которого француз-гимнаст выделывал разные штуки на туго натянутом канате, — на сцене небольшого театрала, нарочито для этого случая построенного, выступили итальянские куклы в полуклассической трагедии "Софонисба". Они играли так чудесно и жесты их были так удивительно естественны, что к концу трагедии глазки Инфанты затуманились от слез. А некоторые из детей даже плакали по-настоящему, и приходилось утешать их сладостями, и даже сам Великий Инквизитор был так растроган, что не удержался и сказал Дону Педро, как ему больно видеть, что простые куклы па проволоках, из дерева и крашеного воска, могут быть так несчастны и переживать такие тяжкие бедствия.

Затем следовал африканец-фокусник, который принес с собой большую плоскую корзину, покрытую красным сукном, поставил ее посередине арены, вынул из своего тюрбана какую-то чудную красную дудку и начал на ней играть. Несколько времени спустя сукно зашевелилось, и, когда звуки дудки стали резче и пронзительнее, из-под него вытянули свои остrokонечные, странной формы, головы две изумрудно-золотистых змеи и медленно стали приподниматься, раскачиваясь взад и вперед, словно растение в воде. Дети, однако, немного побаивались их пятнистых клубочков и проворных острых жал; им гораздо больше нравилось, когда у них на глазах, по воле фокусника, выросло из песка крохотное апельсинное деревцо, тут же покрывавшееся хорошенькими белыми цветочками, а затем и настоящими плодами.

Когда же он взял веер у маленькой дочки маркизы де Лас-Горрес и превратил его в синюю птицу, которая стала петь и носиться по павильону, их восторг, их изумление не знали границ.

Очарователен был и торжественный менуэт, исполненный маленькими танцовщиками из церкви Нуэстра Сеньора Дель Пилар. Инфанта никогда еще не видала этого удивительного обряда, совершаемого ежегодно в мае в честь Пресвятой Девы перед Ее высоким престолом; да и никто из членов испанского королевского дома не входил в большой сарагосский собор с тех пор, как сумасшедший священник — многие подозревали, что он был подкуплен королевой Елизаветой Английской — пытался причастить там принца Австрийского отравленной облаткой. Инфанта только понаслышке знала о "священном танце Богородицы", как его называли, и нашла, что он действительно очень красив. Мальчики-участники танца были в старинных придворных костюмах из белого бархата; их диковинные треуголки были обшиты серебряным галуном и увенчаны большими страусовыми плюмажами, и ослепительная белизна их костюмов еще больше оттенялась смуглым цветом их лиц и длинными черными волосами. Все были очарованы важностью и достоинством, с которыми они выполняли все сложные фигуры танца, изысканной грацией их медлительных жестов и величавых поклонов, и когда они, окончив танец, сняли свои огромные шляпы с плюмажами, склоняясь перед Инфантой, она чрезвычайно любезно ответила на их низкий поклон и мысленно дала себе обет поставить большую восковую свечу перед алтарем Пресвятой Девы Дель Пилар в благодарность за доставленное ей удовольствие.

Затем на арене появилась группа красавцев-египтян — как в те дни называли цыган; они уселись в кружок, поджав под себя ноги, и тихонько заиграли на цитрах, раскачиваясь в такт музыке и едва слышно напевая что-то мечтательное и тягучее. При виде Дона Педро лица их омрачились, и некоторые из них, видимо, были испуганы, ибо, всего лишь за несколько недель перед тем он велел повесить двух человек из их племени за колдовство на рыночной площади Севильи; но хорошенькая Инфанта, слушавшая их, откинувшись на спинку кресла и мечтательно глядя большими голубыми глазами поверх своего веера, совсем пленила их; они

почувствовали уверенность, что такое прелестное создание не может быть жестоким ни к чему. И они продолжали играть тихо и нежно, едва касаясь струн длинными ногтями и кивая головами, как будто в полудремоте. И вдруг, с таким пронзительным криком, что все дети вздрогнули, а рука Дона Педро стиснула агатовую рукоять его кинжала, египтяне вскочили на ноги и завертелись, как бешеные, по арене, ударяя в свои тамбурины и распевая какую-то дикую любовную песню на своем странном гортанном языке. Затем все разом кинулись на землю и лежали неподвижно, и глухой звон цитр был единственным звуком, нарушавшим тишину. Повторив это несколько раз подряд, они на миг исчезли и вернулись, ведя за собой на цепочке бурого косматого медведя, а на плечах неся несколько крохотных барбарийских обезьянок. Медведь с необычайной серьезностью встал на голову, а обезьянки проделывали всевозможные забавные штуки с двумя цыганятами, по-видимому, их хозяевами: фехтовали крохотными шпагами, стреляли из ружей, потом выстроились в ряд и начали выкидывать все солдатские артикулы — совсем как на учении королевской лейб-гвардии. Вообще цыгане имели большой успех.

Но самым забавным развлечением этого утра были, бесспорно, танцы маленького Карлика. Когда он ввалился на арену, ковыляя на кривых, коротеньких ножках и мотая огромной безобразной головой, дети подняли восторженный крик, и даже сама Инфанта так смеялась, что Камерера принуждена была напомнить ей, что хотя в Испании и не раз видали королевских дочерей, плачущих перед равными им, но чтобы Принцесса королевской крови веселилась так в присутствии тех, кто ниже ее по рождению, — это дело неслыханное.

Однако Карлик был действительно неотразим, и даже при испанском дворе, известном своим пристрастием ко всему ужасному и безобразному, такого фантастического маленького чудовища еще не видали. Да этот Карлик и выступал впервые. Его нашли всего за день перед тем; он бегал на воле по лесу, и двое грандов, случайно охотившихся в отдаленной части пробкового леса, окружавшего город, привезли его с собою во дворец, чтоб устроить Инфанте сюрприз; отец его, бедный угольщик, был только рад избавиться от такого уродливого и бесполезного ребенка. Самое забавное в Карлике, быть может, и было то, что сам он совершенно не сознавал, как он уродлив и смешон. Напротив, он, казалось, был счастлив и весел необычайно. Когда дети смеялись, и он смялся, так же непринужденно и радостно, и, по окончании каждого танца, отвешивал каждому из них в отдельности уморительнейшие поклоны, улыбаясь и кивая головою, как будто он и сам был одним из них, а не маленьким уродцем, которого природа как-нибудь под веселую руку создала на потеху другим. Инфантою он был очарован безмерно, не мог от нее глаз оторвать и, казалось, плясал для нее одной. И когда, вспомнив, как на ее глазах знатные придворные дамы бросали букеты Каффарелли, знаменитому итальянскому певцу, которого Папа прислал в Мадрид из собственной домовая церкви в надежде, что сладкие звуки его голоса исцелят тоску Короля, она вынула из волос красивую белую розу и, шутки ради, а также для того, чтобы помучить Камереру, с очаровательной улыбкой, бросила эту розу через всю арену Карлику, тот принял это совсем всерьез, прижал цветок к губам, уродливым и толстым, приложил руку к сердцу и опустился перед Инфантой на одно колено, причем радостная улыбка растянула рот его от уха до уха, а маленькие светлые глазки заискрились от удовольствия.

После этого Инфанта положительно не в состоянии была оставаться серьезной и продолжала смеяться еще долго спустя после того, как Карлик убежал с арены, и высказала дяде желание, чтобы танец немедленно был повторен. Камерера, однако ж, сославшись на чрезмерно палящее солнце, решила, что для ее высочества лучше будет немедленно вернуться во дворец, где для нее уже приготовлен роскошный пир, со включением настоящего пирога, какой специально подается ко дню рождения, с инициалами новорожденной из разрисованного сахара и красивым серебряным флагом на верхушке. Инфанта с большим достоинством

поднялась с места, отдала приказ, чтобы маленький Карлик еще раз проплясал перед нею после сиесты и, поблагодарив юного графа Тьерра-Нуэва за устроенный ей чудесный прием, удалилась в свои апартаменты, а за нею и прочие дети, в том же порядке, как пришли.

Когда маленькому Карлику сказали, что он будет еще раз танцевать перед Инфантой по ее личному, нарочитому приказу, он так возгордился, что убежал в сад, в нелепом восторге покрывая поцелуями белую розу и выражая свой восторг самыми дикими и неуклюжими жестами.

Цветы пришли в негодование от дерзкого вторжения уродца в их прекрасную обитель; когда же они увидели, как он скачет по дорожкам, смешно и неуклюже размахивая руками над головой, они уже не в состоянии были дольше сдерживаться.

— Право же, он слишком безобразен, чтобы позволять ему играть в тех местах, где находимся мы! — восклицали Тюльпаны.

— Напоить бы его маковым настоем, чтоб он уснул на тысячу лет, — говорили высокие огненно-красные Лилии и от гнева запылали еще ярче.

— Ужас, прямо ужас, до чего он безобразен! — взвизгнул Кактус. — Он весь искривленный, приземистый, и голова у него несообразно велика в сравнении с ногами. При виде его я чувствую, как щетинятся мои шипы, и, если он подойдет ко мне близко, я исколю его своими колючками.

— И, вдобавок, у него в руках один из моих лучших цветков! — воскликнул куст Белых Роз. — Я сам дал его нынче утром Инфанте, в подарок ко дню рождения, а он украл мой цветок у нее. — И что было силы этот куст закричал: Вор! Вор! Вор!

Даже красные Герани, которые обычно не спесивы, — у них у самих куча всяческих бедных родственников, — сворачивались кольцом от отвращения при виде его; и, когда Фиалки кротко заметили, что, хоть он и бесспорно очень некрасив, но ведь это же не по его вине, — Герани довольно справедливо возразили, что в этом-то и заключается главный его недостаток, и нет основания восхищаться человеком потому только, что он неизлечим. Да и Фиалки, по крайней мере — иные из них, сами чувствовали, что Карлик как будто даже кичится своим безобразием, выставляя его на показ, и что он выказал бы гораздо больше вкуса, если бы принял печальный, или хотя бы задумчивый вид, вместо того чтоб прыгать и скакать по дорожкам, принимая самые причудливые и нелепые позы.

Что касается старых Солнечных Часов, — особы очень замечательной и некогда указывавшей время самому Императору Карлу V, — они до того были поражены видом маленького Карлика, что чуть было не забыли отметить целых две минуты своим длинным теневым пальцем и не удержались, чтобы не сказать большому молочно-белому Павлину, гревшемуся на солнышке на балюстраде, что, мол, всем известно, что царские дети — это царские дети, а дети угольщика — это дети угольщика, и безрассудно уверять, будто это не так; с чем Павлин всецело согласился и даже крикнул: "Несомненно! Несомненно!" — таким пронзительным и резким голосом, что Золотые Рыбки, жившие в бассейне бывшего холодной струею фонтана, высунули головки из воды и спросили у огромных каменных Тритонов, в чем дело и что такое случилось.

А вот птицам Карлик почему-то понравился. Они и раньше часто видали его в лесу, как он плясал, подобно эльфу, гоняясь за подхваченными ветром листьями, или же, свернувшись клубочком где-нибудь в дупле старого дуба, делил с белками собранные орехи. И они ничуть не возмущались его безобразием. Ведь и соловей, который по вечерам пел в апельсиновых рощах

так сладко, что даже луна иной раз склонялась послушать его, был и сам не великий красавец; потом этот мальчик был добр к ним: в жестокую зимнюю стужу, когда на деревьях нет ягод и земля становится тверда, как железо, а волки подходят к самым воротам города в поисках пищи, он никогда не забывал о них — всегда бросал им крошки от своей краюхи черного хлеба и делил с ними свой завтрак, как бы скуден он ни был.

И птицы летали и порхали вокруг него, на лету задевая крылышками его щеки, и щебетали меж собою, и маленький Карлик был так счастлив, что не мог удержаться, — похвастался перед ними пышною белою розой и сказал, что эту розу подарила ему сама Инфанта, потому что она любит его.

Птицы не поняли ни слова из того, что он им рассказывал, но это не беда, так как они все же склонили головки набок и приняли серьезный, вдумчивый вид, а ведь это все равно, что понимать, и вместе с тем это гораздо легче.

Ящерицам он также чрезвычайно понравился; и когда он устал бегать и прилег на траву отдохнуть, они подняли возню вокруг него и на нем самом, затеяли веселые игры и всячески старались позабавить его, говоря:

— Не всем же быть такими красивыми, как ящерицы — этого нельзя и требовать. И, хотя это звучит нелепо, в сущности, он уж не так и безобразен если вы, конечно, закроете глаза и не будете смотреть на него.

Ящерицы — прирожденные философы и нередко часами способны сидеть на одном месте и размышлять, когда им больше нечего делать или когда погода слишком дождливая.

Зато цветы были чрезвычайно недовольны их поведением, равно как и поведением птиц.

— Это только показывает, — говорили они, — какое вульгаризирующее действие производят эта непрерывная беготня и летанье. Хорошо воспитанные создания всегда стоят на одном месте, как мы. Нас никто не видал бегающими вприпрыжку взад и вперед по дорожкам или же скачущими, как безумные, по траве, в погоне за какою-нибудь стрекозою. Когда мы чувствуем потребность в перемене воздуха, мы посылаем за садовником, и он пересаживает нас на другую клумбу. Это прилично, это вполне *comme il faut*, но ящерицы и птицы не ценят покоя; у птиц даже нет постоянного адреса. Он просто бродяги, вроде цыган, и не заслуживают лучшего обращения, чем бродяги.

Цветы вздернули носики, приняли высокомерный вид и были очень довольны, когда немного погода маленький Карлик вылез из травы и заковылял к дворцовой террасе.

— Право же, его следовало бы держать взаперти до конца жизни, — говорили они. — Вы только посмотрите, какой у него горб на спине, а ноги какие кривые! — И они захихикали.

А маленький Карлик и не подозревал об этом. Он страшно любил птиц и ящериц и находил, что цветы — самое удивительное, что только есть во всем мире, разумеется, за исключением Инфанты; но ведь Инфанта дала ему дивную белую розу, и она любит его, а это другое дело! Как ему хотелось быть вместе с нею опять. Она посадила бы его по правую руку от себя и улыбалась бы ему, и он никогда больше не ушел бы от нее, а сделал бы ее своим товарищем и научил бы ее всяким восхитительным штучкам. Ибо, хотя он никогда раньше не бывал во дворце, он знал множество удивительных вещей. Он умел, например, делать из тростника крохотные клетки для кузнечиков и превращать суставчатый длинный камыш в такую свирель, которой внимал бы сам Пан. Он изучил все птичьи голоса и умел подражать крику скворца на верхушке дерева, цапли на болоте. Он знал, какое животное какие оставляет за собою следы, и

умел выследить зайца по легким отпечаткам его лапок и кабана по примятым и растоптанным листьям. Ему были знакомы все пляски диких: и бешеный танец осени в одежде из багряницы, и легкая пляска в васильковых сандалиях среди спелых хлебов, и танец зимы с венками из сверкающего белого снега, и вешняя пляска цветов во фруктовых садах.

Он знал, где вьют свои гнезда дикие голуби, и раз, когда голубь с голубкой попались в силки птицелова, он сам воспитал покинутых птенцов и устроил для них маленькую голубятню в трещине расколотого вяза. Маленькие голуби выросли совсем ручными и каждое утро кормились из его рук. Они, наверное, понравились бы Инфанте, а также и кролики, шнырявшие в высоких папоротниках, и сойки с твердыми перышками и черными клювами, и ежи, умеющие свертываться в колючие шарики, и большие умные черепахи, которые медленно ползают, трясая головами и грызя молодые листочки. Да, она непременно должна прийти к нему в лес поиграть вместе с ним. Он уступит ей свою постельку, а сам будет сторожить за окном до рассвета, чтоб ее не обидели дикие зубры и отощавшие с голоду волки не подкрались бы слишком близко к хижине. А на рассвете он постучится в ставню и разбудит ее, и вместе они будут гулять и плясать целый день. В лесу, право же, совсем не скучно и вовсе не так пустынно. Иной раз епископ проедет на своем белом муле, читая книжку с картинками. А не то пройдут сокольничие в зеленых бархатных шапочках, в камзолах из дубленой оленьей кожи, и у каждого на руке по соколу, а голова у сокола покрыта клобучком. А в пору уборки винограда проходят виноградари, и руки и ноги у них красные от виноградного сока, а на головах венки из блестящего плюща, и они несут мехи, из которых каплет молодое вино; а по вечерам вокруг больших костров усаживаются угольщики и смотрят, как медленно обугливаются в огне сухие поленья, и жарят в пепле каштаны, и разбойники выходят из своих пещер — позабавиться вместе с ними.

Однажды он даже видел красивую процессию, извивавшуюся, как змея, по длинной пыльной дороге, ведущей в Толедо. Впереди шли монахи, сладостно пели и несли яркие хоругви и золотые кресты, а за ними в серебряных латах, с ружьями и пиками, шли солдаты, и посреди их трое босоногих людей в странной желтой одежде, сплошь разрисованной какими-то удивительными фигурами, с зажженными свечами в руках. Уж в лесу-то есть на что посмотреть; а когда она устанет, он отыщет для нее мягкое ложе из мха, или же отнесет ее на руках — потому что он ведь очень сильный, хоть и сам знает, что невысок ростом. Он сделает ей ожерелье из красных ягод брионии, которые так же красивы, как те белые ягоды, что нашиты у нее на платье; а если ей надоест это ожерелье, она может его бросить, и он найдет ей другое. Он будет приносить ей чашечки от желудей, и покрытые росой анемоны, и крохотных светящихся червячков, которые будут искриться, как звезды, в бледном золоте ее волос.

Однако где же она? Он спросил об этом белую розу, но та не дала ответа. Весь дворец, казалось, спал, и даже там, где ставни не были заперты, окна были завешены от яркого солнца тяжелыми занавесями. Карлик обошел кругом весь дворец, ища, как бы пробраться внутрь, и наконец заметил небольшую открытую дверь. Он проскользнул туда и очутился в роскошной зале — увы! — гораздо более пышной, чем лес: там всюду было столько позолоты, и даже пол выстлан большими цветными камнями, уложенными в какие-то геометрические фигуры. Но маленькой Инфанты там не было: были только странные белые статуи на пьедесталах из яшмы, смотревшие на него печальными пустыми глазами, улыбаясь какой-то странной улыбкой.

В конце залы висла богато расшитая занавесь из черного бархата, усеянная солнцами и звездами — любимый узор короля, — да и черный цвет был его самый любимый. Может быть, она спряталась за этой занавесью? Во всяком случае, надо взглянуть.

Он тихонько подкрался к портьере и отдернул ее. Нет; там за портьерой была только другая

комната — как ему показалось, еще красивее той, откуда он только что вышел. Стены здесь были увешаны ткаными зелеными обоями, или коврами, со множеством вышитых фигур, изображавших охоту — произведение фламандских художников, потративших больше семи лет на эту работу. Некогда это была комната Иоанна Безумного — помешанного короля, который так страстно любил охоту, что в бреду нередко пытался вскочить на огромного, вышитого на обоях коня, взвившегося на дыбы, стащить со стены оленя, на которого кидались большие собаки, затрубить в охотничий рог и заколоть ножом убегающую бледную лань. Ныне эта комната была превращена в залу совета, и на стоявшем посередине столе лежали красные портфели министров с испанскими золотыми тюльпанами, вытисненными на крышке, с гербами и эмблемами Габсбургов.

Маленький Карлик с изумлением озирался вокруг и даже немножко побаивался идти дальше. Странные, безмолвные всадники, скакавшие так быстро и бесшумно по длинным аллеям, казались ему похожими на страшных призраков, — о них он слышал от угольщиков, — на компрачкосов, которые охотятся только ночью и если встретят человека, то превратят его в оленя и затравят насмерть. Но он вспомнил о маленькой Инфанте и это придало ему мужества. Ему хотелось бы застать ее одну и сказать ей, что он ее любит. Быть может, она в следующей комнате?

По мягким мавританским коврам он неслышно перебежал через комнату и распахнул дверь. Нет, и там ее не было. Комната была совершенно пуста...

То была тронная зала, служившая для приезда иностранных послов, когда Король — что в последнее время бывало не часто — соглашался дать им личную аудиенцию; в этой самой зале, много лет тому назад, были приняты послы из Англии, явившиеся сватать свою королеву, тогда одну из католических владык Европы, за старшего сына Императора. Стены здесь были обтянуты кордуанской золоченой кожей, а с черного с белым потолка свешивалась тяжелая люстра в триста восковых свеч. Под большим балдахином золотой парчи, на которой были вышиты мелким жемчугом кастильские львы и башни, стоял самый трон, покрытый роскошным покрывалом из черного бархата, с серебряными тюльпанами и пышной бахромой из серебра и жемчугов. На второй ступени трона стояла скамеечка, на которой преклоняла колена Инфанта, с подушкой из серебряной парчи; а еще пониже и уже не под балдахином — кресло, для папского нунция — единственного, кто имел право сидеть в присутствии короля во время всех публичных церемоний, и кардинальская шапка его, с перепутанными ярко-алыми кистями, лежала на обтянутом багрянницей табурете, стоявшем впереди. На стене напротив трона висел портрет во весь рост Карла V, в охотничьем костюме, с большой собакой; а всю середину другой стены занимала картина, изображавшая Филиппа II, принимавшего дары от Нидерландов. Между окон стоял шкапчик черного дерева, с инкрустацией из слоновой кости и вырезанными на нем фигурами из гольбейновской Пляски Смерти — вырезанными, как говорили иные, рукой самого знаменитого мастера.

Но Карлика не слишком занимало все это великолепие. Он не отдал бы своей розы за все жемчуга — балдахина и даже одного белого лепестка ее за самый трон. Ему нужно было совсем другое — повидать Инфанту раньше, чем она снова сойдет вниз, в павильон, и попросить ее уйти вместе с ним, когда он кончит танец. Здесь, во дворе, воздух тяжелый и спертый, а в лесу дует вольный ветер, и солнечный свет играет на трепетных листьях, словно перебирая их золотыми руками. Там, в лесу, есть и цветы — быть может, не такие пышные, как в дворцовом саду, но зато все цветы пахнут нежнее: ранней весной гиацинты, что заливают багряной волной прохладные доли и холмы, поросшие травой; желтые буквицы, что гнездятся целыми семьями в суковатых кронах старых дубов; светлый чистотел и голубая вероника, и золотые и лиловые ирисы. Там на орешнике, серенькие сережки, и наперстянка, поникшая долу под тяжестью своих пестрых чашечек, излюбленных пчелами. На каштане там свои копыя,

покрытые белыми звездочками, а на боярышнике, — свои луны, бледные и прекрасные. Да, конечно, она уйдет с ним — только бы ему найти ее. Она уйдет с ним в прекрасный лес, и он целыми днями будет плясать для ее удовольствия. При одной мысли об этом глаза его засветились улыбкой, и он перешел в соседнюю комнату.

Из всех комнат эта была самая светлая и самая красивая. Стены ее были обтянуты алой камчатной материей, расшитой птицами и хорошенькими серебряными цветочками; мебель была вся из массивного серебра, с фестонами из цветочных гирлянд и раскачивающимися купидонами. Два огромных камина были заставлены большими экранами, на которых были вышиты павлины и попугаи, а пол, из оникса цвета морской воды, казалось, уходил в бесконечность. И в этой комнате Карлик был не один. На другом конце зала, в дверях, стояла какая-то маленькая фигурка и наблюдала за ним. У него забилось сердце; крик радости сорвался с его уст, и он вышел на свет. Одновременно с ним вышла и фигурка, и теперь он ясно мог разглядеть ее.

Инфанта? Как бы не так! Это было чудовище — самое уморительное чудовище, когда-либо виденное им. Непропорционально сложенное, не так, как все прочие люди: с выгнутой, горбатой спиной, на кривых, перекрученных ногах, с огромной; мотающейся с боку на бок головой и спутанной гривой черных волос. Маленький Карлик нахмурился, и чудовище тоже нахмурилось. Он засмеялся, и оно засмеялось и уперлось руками в бока, копируя его жест. Он отвесил чудовищу насмешливый поклон, и оно ответило ему таким же низким поклоном. Он пошел к нему, и оно пошло ему навстречу, повторяя все его шаги и движения и останавливаясь, когда он останавливался. С криком изумления он устремился вперед, протянул руку; и рука чудовища, холодная, как лед, коснулась его руки. Он испугался, отдернул руку, и чудовище поспешило сделать то же. Он начал было наступать на него, но что-то гладкое и твердое загородило ему дорогу. Лицо чудовища было теперь совсем близко от его лица, и в лице этом он читал страх. Он отвел рукой волосы, падавшие ему на глаза. Чудовище сделало то же. Он ударил его, и оно отвечало ударом. Он начал его ругать — оно строило ему какие-то гадкие гримасы. Он отшатнулся назад, и оно отшатнулось.

Что же это такое? Карлик задумался на минуту, оглядел остальную комнату. Странно — все здесь как будто в двойном количестве, каждый предмет имеет своего двойника за этой невидимой стеной светлой воды. Здесь картина — и там картина; здесь кресло — и там кресло. Здесь спящий Фавн лежит в алькове у дверей, и там, за стеною, дремлет его двойник; и серебряная Венера, вся залитая солнцем, протягивает руки к другой Венере, такой же прелестной, как она.

Что это?.. Эхо? Однажды в долине он крикнул, и эхо откликнулось, повторило за ним все слова. Может быть, эхо умеет передразнивать и зрение, как оно умеет передразнивать голос. Может быть, оно умеет так, шутки ради, нарочно, создать другой мир, совсем как настоящий. Но могут ли тени предметов иметь такие же, как предметы, краски, и жизнь, и движение? Разве могут?..

Он вздрогнул и, взяв со своей груди прелестную белую розу, повернулся и поцеловал ее. У чудовища оказалась в руках такая же роза, точно такая же лепесток в лепесток. И оно точно так же целовало ее и прижимало к сердцу с уморительными и безобразными жестами.

Когда истина наконец осенила его, он с диким воплем отчаяния, рыдая, кинулся на пол. Так это он сам — такой урод, горбатый, смешной, отвратительный? Это чудовище — он сам; это над ним так смеялись все дети, и маленькая Принцесса тоже; он-то воображал, что она любит его, а она просто, как другие, потешалась над его безобразием, над его изуродованным телом. Почему не оставили его в лесу, где нет зеркала, которое бы сказало ему, как он уродлив и гадок? Почему отец не убил его, вместо того, чтоб продать его на позор и потеху другим?.. По

щекам его струились горячие слезы. Он изорвал в клочки белый цветок; барахтавшееся на полу чудовище сделало то же и разбросало по воздуху лепестки. Оно пресмыкалось на земле, а когда он смотрел на него — и оно смотрело на него, и лицо его было искажено страданием. Он отполз подальше, чтоб не видеть его, и закрыл руками глаза. Как раненый зверек, он уполз в тень и лежал, тихо стелая.

В это время через окно балкона в комнату вошла Инфанта со своими гостями и увидела безобразного Карлика, который лежал на полу, колотя скрюченными пальцами; это было до того фантастически нелепо, что дети с веселым смехом обступили его — посмотреть, что такое он делает.

— Его пляски были забавны, — сказала Инфанта, — но представляет он еще забавнее. Почти так же хорошо, как куклы-марионетки, только, разумеется, не так естественно.

И она обмахивалась своим огромным веером и аплодировала.

Но маленький Карлик даже не взглянул на нее; его рыдания постепенно стихали. Внезапно он как-то странно подпрыгнул и схватился за бок. Потом снова откинулся назад и вытянулся неподвижно.

— Это было превосходно, — сказала Инфанта, подождав немного, — но теперь вы должны протанцевать для меня.

— Да, да, — закричали все дети, — теперь встань и ступай танцевать, потому что ты так же ловок, как барбарийская обезьянка, но гораздо забавнее ее.

Но маленький Карлик не откликался.

Инфанта топнула ножкой и позвала дядю, гулявшего по террасе с камергером, пробегая депеши, только что полученные из Мексики, где недавно учреждено было отделение святой инквизиции.

— Мой смешной маленький Карлик капризничает и не хочет вставать. Поднимите его и велите ему протанцевать для меня.

С улыбкой переглянувшись, они оба вошли, и Дон Педро нагнулся и потрепал Карлика по щеке своею вышитой перчаткой.

— Изволь плясать, *petit monstre*, изволь плясать! Наследная принцесса Испании и обеих Индий желает, чтоб ее забавляли.

Но маленький Карлик не шевелился.

— Позвать аптечного мастера! — устало молвил Дон Педро и опять ушел на террасу.

Но камергер с озабоченным видом опустился на колени перед маленьким Карликом и приложил руку к его груди. А минуту спустя пожал плечами, поднялся и, низко поклонившись Инфанте, сказал:

— *Mi bella Princesa*, ваш забавный маленький Карлик никогда больше не будет плясать. Это жаль! Он так безобразен, что, пожалуй, рассмешил бы даже Короля.

— Но почему же он никогда больше не будет плясать? — смеясь, спросила Инфанта.

— Потому что у него разбилось сердце.

Инфанта нахмурилась, и ее прелестный розовый ротик искривился в хорошенькую, презрительную гримаску.

— На будущее время, пожалуйста, чтобы у тех, кто приходит со мною играть, не было сердца совсем! — крикнула она и убежала в сад.

Кентервильское привидение

1

Когда мистер Хайрам Б. Отис, американский посол, решил купить Кентервильский замок, все уверяли его, что он делает ужасную глупость, — было достоверно известно, что в замке обитает привидение.

Сам лорд Кентервиль, человек донельзя щепетильный, даже когда дело касалось сущих пустяков, не преминул при составлении купчей предупредить мистера Отиса.

— Нас как-то не тянуло в этот замок, — сказал лорд Кентервиль, — с тех пор как с моей двоюродной бабкой, вдовствующей герцогиней Болтон, случился нервный припадок, от которого она так и не оправилась. Она переодевалась к обеду, и вдруг ей на плечи опустились две костлявые руки. Не скрою от вас, мистер Отис, что привидение это являлось также многим ныне здравствующим членам моего семейства. Его видел и наш приходский священник, преподобный Огастес Дэмпир, магистр Королевского колледжа в Кембридже. После этой неприятности с герцогиней вся младшая прислуга ушла от нас, а леди Кентервиль совсем лишилась сна: каждую ночь ей слышались какие-то непонятные шорохи в коридоре и библиотеке.

— Что ж, милорд, — ответил посол, — пусть привидение идет вместе с мебелью. Я приехал из передовой страны, где есть все, что можно купить за деньги. К тому же молодежь у нас бойкая, способная перевернуть весь ваш Старый Свет. Наши молодые люди увозят от вас лучших актрис и оперных примадонн. Так что, заведись в Европе хоть одно привидение, оно мигом очутилось бы у нас в каком-нибудь музее или в разъездном паноптикуме.

— Боюсь, что кентервильское привидение все-таки существует, — сказал, улыбаясь, лорд Кентервиль, — хоть оно, возможно, и не соблазнилось предложениями ваших предприимчивых импресарио. Оно пользуется известностью добрых триста лет, — точнее сказать, с тысяча пятьсот восемьдесят четвертого года, — и неизменно появляется незадолго до кончины кого-нибудь из членов нашей семьи.

— Обычно, лорд Кентервиль, в подобных случаях приходит домашний врач. Никаких привидений нет, сэр, и законы природы, смею думать, для всех одни — даже для английской аристократии.

— Вы, американцы, еще так близки к природе! — отозвался лорд Кентервиль, видимо, не совсем уразумев последнее замечание мистера Отиса. — Что ж, если вас устроит дом с привидением, то все в порядке. Только не забудьте, я вас предупредил.

Несколько недель спустя была подписана купчая, и по окончании лондонского сезона посол с семьей переехал в Кентервильский замок. Миссис Отис, которая в свое время — еще под именем мисс Лукреция Р. Тэппен с 53-й Западной улицы — славилась в Нью-Йорке своей

красотой, была теперь дамой средних лет, все еще весьма привлекательной, с чудесными глазами и точеным профилем. Многие американки, покидая родину, принимают вид хронических больных, считая это одним из признаков европейской утонченности, но миссис Отис этим не грешила. Она обладала великолепным телосложением и совершенно фантастическим избытком энергии. Право, ее нелегко было отличить от настоящей англичанки, и ее пример лишний раз подтверждал, что теперь у нас с Америкой все одинаковое, кроме, разумеется, языка. Старший из сыновей, которого родители в порыве патриотизма окрестили Вашингтоном, – о чем он всегда сожалел, – был довольно красивый молодой блондин, обещавший стать хорошим американским дипломатом, поскольку он три сезона подряд дирижировал немецкой кадрилией в казино Ньюпорта и даже в Лондоне заслужил репутацию превосходного танцора. Он питал слабость к гардениям и геральдике, отличаясь во всем остальном совершенным здравомыслием. Мисс Вирджинии Е. Отис шел шестнадцатый год. Это была стройная девочка, грациозная, как лань, с большими, ясными голубыми глазами. Она прекрасно ездила на пони и, уговорив однажды старого лорда Билтона проскакать с ней два раза наперегонки вокруг Гайд-парка, на полтора корпуса обошла его у самой статуи Ахиллеса; этим она привела в такой восторг юного герцога Чеширского, что он немедленно сделал ей предложение и вечером того же дня, весь в слезах, был отослан своими опекунами обратно в Итон. В семье было еще двое близнецов, моложе Вирджинии, которых прозвали «Звезды и полосы», поскольку их без конца пороли. Поэтому милые мальчики были, не считая почтенного посла, единственными убежденными республиканцами в семье.

От Кентервильского замка до ближайшей железнодорожной станции в Аскоте целых семь миль, но мистер Отис заблаговременно телеграфировал, чтобы им выслали экипаж, и семья двинулась к замку в отличном расположении духа.

Был прекрасный июльский вечер, и воздух был напоен теплым ароматом соснового леса. Изредка до них доносилось нежное воркование лесной горлицы, упивавшейся своим голосом, или в шелестящих зарослях папоротника мелькала пестрая грудь фазана. Крошечные белки поглядывали на них с высоких буков, а кролики прятались в низкой поросли или, задрвав белые хвостики, улепетывали по мшистым кочкам. Но не успели они въехать в аллею, ведущую к Кентервильскому замку, как небо вдруг заволочло тучами, и странная тишина сковала воздух. Молча пролетела у них над головой огромная стая галок, и, когда они подъезжали к дому, большими редкими каплями начал накрапывать дождь.

На крыльце их поджидала опрятная старушка в черном шелковом платье, белом чепце и переднике. Это была миссис Амни, домоправительница, которую миссис Отис, по настоятельной просьбе леди Кентервиль, оставила в прежней должности. Она низко присела перед каждым из членов семьи и церемонно, по-старинному, промолвила:

- Добро пожаловать в замок Кентервилей!

Они вошли вслед за нею в дом и, миновав настоящий тюдоровский холл, очутились в библиотеке – длинной и низкой комнате, обшитой черным дубом, с большим витражом против двери. Здесь уже все было приготовлено к чаю. Они сняли плащи и шали и, усевшись за стол, принялись, пока миссис Амни разливала чай, разглядывать комнату.

Вдруг миссис Отис заметила потемневшее от времени красное пятно на полу, возле камина, и, не понимая, откуда оно взялось, спросила миссис Амни:

- Наверно, здесь что-то пролили?

- Да, сударыня, – ответила старая экономка шепотом, – здесь пролилась кровь.

- Какой ужас!- воскликнула миссис Отис. - Я не желаю, чтобы у меня в гостиной были кровавые пятна. Пусть его сейчас же смоят!

Старушка улыбнулась и ответила тем же таинственным шепотом:

- Вы видите кровь леди Элеоноры Кентервиль, убиенной на этом самом месте в тысяча пятьсот семьдесят пятом году супругом своим сэром Симоном де Кентервиль. Сэр Симон пережил ее на девять лет и потом вдруг исчез при весьма загадочных обстоятельствах. Тело его так и не нашли, но грешный дух его доныне бродит по замку. Туристы и прочие посетители замка с неизменным восхищением осматривают это вечное, несмываемое пятно.

- Что за глупости! - воскликнул Вашингтон Отис. - Непревзойденный Пятновыводитель и Образцовый Очиститель Пинкертона уничтожит его в одну минуту.

И не успела испуганная экономка помешать ему, как он, опустившись на колени, принялся тереть пол маленькой черной палочкой, похожей на губную помаду. Меньше чем в минуту от пятна и следа не осталось.

- «Пинкертон» не подведет! - воскликнул он, обернувшись с торжеством к восхищенному семейству. Но не успел он это досказать, как яркая вспышка молнии озарила полутемную комнату, оглушительный раскат грома заставил всех вскочить на ноги, а миссис Амни лишилась чувств.

- Какой отвратительный климат, - спокойно заметил американский посол, закуривая длинную сигару с обрезанным концом. - Наша страна-прародительница до того перенаселена, что даже приличной погоды на всех не хватает. Я всегда считал, что эмиграция - единственное спасение для Англии.

- Дорогой Хайрам, - сказала миссис Отис, - как быть, если она чуть что примется падать в обморок?

- Удержи у нее разок из жалованья, как за битые посуды, - ответил посол, и ей больше не захочется.

И правда, через две-три секунды миссис Амни вернулась к жизни. Впрочем, как нетрудно было заметить, она не вполне еще оправилась от пережитого потрясения и с торжественным видом объявила мистеру Отису, что его дому грозит беда.

- Сэр, - сказала она, - мне доводилось видеть такое, от чего у всякого христианина волосы встанут дыбом, и ужасы здешних мест много ночей не давали мне смежить век.

Но мистер Отис и его супруга заверили почтенную особу, что они не боятся привидений, и, призвав благословенье божье на своих новых хозяев, а также намекнув, что неплохо бы прибавить ей жалованье, старая домоправительница нетвердыми шагами удалилась в свою комнату.

2

Всю ночь бушевала буря, но ничего особенного не случилось. Однако, когда на следующее утро семья сошла к завтраку, все снова увидели на полу ужасное кровавое пятно.

- В Образцовом Очистителе сомневаться не приходится, - сказал Вашингтон. - Я его на чем только не пробовал. Видно, здесь и в самом деле поработало привидение.

И он снова вывел пятно, а наутро оно появилось на прежнем месте. Оно было там и на третье утро, хотя накануне вечером мистер Отис, прежде чем уйти спать, самолично запер библиотеку и забрал с собою ключ. Теперь вся семья была занята привидениями. Мистер Отис стал подумывать, не проявил ли он догматизма, отрицая существование духов; миссис Отис высказала намеренье вступить в общество спиритов, а Вашингтон сочинил длинное письмо господам Майерс и Подмор касательно долговечности кровавых пятен, порожденных преступлением. Но если и оставались у них какие-либо сомнения в реальности призраков, они в ту же ночь рассеялись навсегда.

День был жаркий и солнечный, и с наступлением вечерней прохлады семейство отправилось на прогулку. Они вернулись домой лишь к девяти часам и сели за легкий ужин. О привидениях даже речи не заходило, так что все присутствующие отнюдь не были в том состоянии повышенной восприимчивости, которое так часто предшествует материализации духов. Говорили, как потом мне рассказал мистер Отис, о чем всегда говорят просвещенные американцы из высшего общества; о бесспорном превосходстве мисс Фанни Давенпорт как актрисы над Сарой Бернар; о том, что даже в лучших английских домах не подают кукурузы, гречневых лепешек и мамалыги; о значении Бостона для формирования мировой души; о преимуществах билетной системы для провоза багажа по железной дороге; о приятной мягкости нью-йоркского произношения по сравнению с тягучим лондонским выговором. Ни о чем сверхъестественном речь не шла, а о сэре Симоне де Кентервиле никто даже не заикнулся. В одиннадцать вечера семья удалилась на покой, и полчаса спустя в доме погасили свет. Очень скоро, впрочем, мистер Отис проснулся от непонятных звуков в коридоре у него за дверью. Ему почудилось, что он слышит – с каждой минутой все отчетливей – скрежет металла. Он встал, чиркнул спичку и взглянул на часы. Был ровно час ночи. Мистер Отис оставался совершенно невозмутимым и пощупал свой пульс, ритмичный, как всегда. Странные звуки не умолкали, и мистер Отис теперь уже явственно различал звук шагов. Он сунул ноги в туфли, достал из несессера какой-то продолговатый флакончик и открыл дверь. Прямо перед ним в призрачном свете луны стоял старик ужасного вида. Глаза его горели, как раскаленные угли, длинные седые волосы патлами ниспадали на плечи, грязное платье старинного покроя было все в лохмотьях, с рук его и ног, закованных в кандалы, свисали тяжелые ржавые цепи.

– Сэр, – сказал мистер Отис, – я вынужден настоятельнейше просить вас смазывать впредь свои цепи. С этой целью я захватил для вас пузырек машинного масла «Восходящее солнце демократической партии». Желаемый эффект после первого же употребления. Последнее подтверждают наши известнейшие священнослужители, в чем вы можете самолично удостовериться, ознакомившись с этикеткой. Я оставляю бутылочку на столике около канделябра и почту за честь снабжать вас вышеозначенным средством по мере надобности.

С этими словами посол Соединенных Штатов поставил флакон на мраморный столик и, закрыв за собой дверь, улегся в постель.

Кентервильское привидение так и замерло от возмущения. Затем, хватив в гневе бутылку о паркет, оно ринулось по коридору, излучая зловещее зеленое сияние и глухо стелая. Но едва оно ступило на верхнюю площадку широкой дубовой лестницы, как из распахнувшейся двери выскочили две белые фигурки, и огромная подушка просвистела у него над головой. Времени терять не приходилось и, прибегнув спасения ради к четвертому измерению, дух скрылся в деревянной панели стены. В доме все стихло.

Добравшись до потайной каморки в левом крыле замка, привидение прислонилось к лунному лучу и, немного отдышавшись, начало обдумывать свое положение. Ни разу за всю его славную и безупречную трехсотлетнюю службу его так не оскорбляли. Дух вспомнил о вдовствующей герцогине, которую насмерть напугал, когда она смотрелась в зеркало, вся в кружевах и

бриллиантах; о четырех горничных, с которыми случилась истерика, когда он всего-навсего улыбнулся им из-за портьеры в спальне для гостей; о приходском священнике, который до сих пор лечится у сэра Уильяма Галла от нервного расстройства, потому что однажды вечером, когда он выходил из библиотеки, кто-то задул у него свечу; о старой мадам де Тремуайк, которая, проснувшись как-то на рассвете и увидав, что в кресле у камина сидит скелет и читает ее дневник, слегла на шесть недель с воспалением мозга, примирилась с церковью и решительно порвала с известным скептиком мосье де Вольтером. Он вспомнил страшную ночь, когда злокозненного лорда Кентервиля нашли задыхающимся в гардеробной с бубновым валетом в горле. Умирая, старик сознался, что с помощью этой карты он обыграл у Крокфорда Чарлза Джеймса Фокса на пятьдесят тысяч фунтов и что эту карту ему засунуло в глотку кентервильское привидение. Он припомнил каждую из жертв своих великих деяний, начиная с дворецкого, который застрелился, едва зеленая рука постучалась в окно буфетной, и кончая прекрасной леди Статфилд, которая вынуждена была всегда носить на шее черную бархатку, чтобы скрыть отпечатки пяти пальцев, оставшиеся на ее белоснежной коже. Она потом утопилась в пруду, знаменитом своими карпами, в конце Королевской аллеи. Охваченный тем чувством самоуспоения, какое ведомо всякому истинному художнику, он перебирал в уме свои лучшие роли, и горькая улыбка кривила его губы, когда он вспоминал последнее свое выступление в качестве Красного Рабена, или Младенца-удавленника, свой дебют в роли Джибона Кожа да Кости, или Кровопийцы с Бекслейской Топи; припомнил и то, как потряс зрителей всего-навсего тем, что приятным июньским вечером поиграл в кегли своими костями на площадке для лаун-тенниса.

И после всего этого заявляются в замок эти мерзкие нынешние американцы, навязывают ему машинное масло и швыряют в него подушками! Такое терпеть нельзя! История не знала примера, чтоб так обходились с привидением. И он замыслил месть и до рассвета остался недвижим, погруженный в раздумье.

3

На следующее утро, за завтраком, Отисы довольно долго говорили о привидении. Посол Соединенных Штатов был немного задет тем, что подарок его отвергли.

- Я не собираюсь обижать привидение, - сказал он, - но я не могу в данной связи умолчать о том, что крайне невежливо швырять подушками в того, кто столько лет обитал в этом доме. - К сожалению, приходится добавить, что это абсолютно справедливое замечание близнецы встретили громким хохотом. - Тем не менее, - продолжал посол, - если дух проявит упорство и не пожелает воспользоваться машинным маслом «Восходящее солнце демократической партии», придется расковать его. Невозможно спать, когда так шумят у тебя под дверью.

Впрочем, до конца недели их больше не потревожили, только кровавое пятно в библиотеке каждое утро вновь появлялось на всеобщее обозрение. Объяснить это было непросто, ибо дверь с вечера запирали сам мистер Отис, а окна закрывались ставнями с крепкими засовами. Хамелеоноподобная природа пятна тоже требовала объяснения. Иногда оно было темно-красного цвета, иногда киноварного, иногда пурпурного, а однажды, когда они сошли вниз для семейной молитвы по упрощенному ритуалу Свободной американской реформатской епископальной церкви, пятно оказалось изумрудно-зеленым. Эти калейдоскопические перемены, разумеется, очень забавляли семейство, и каждый вечер заключались пари в ожидании утра. Только маленькая Вирджиния не участвовала в этих забавах; она почему-то всякий раз огорчалась при виде кровавого пятна, а в тот день, когда оно стало зеленым, чуть не расплакалась.

Второй выход духа состоялся в ночь на понедельник. Семья только улеглась, как вдруг

послышался страшный грохот в холле. Когда перепуганные обитатели замка сбежали вниз, они увидели, что на полу валяются большие рыцарские доспехи, упавшие с пьедестала, а в кресле с высокой спинкой сидит кентервильское привидение и, морщась от боли, потирает себе колени. Близнецы с меткостью, которая приобретается лишь долгими и упорными упражнениями на особе учителя чистописания, тотчас же выпустили в него по заряду из своих рогаток, а посол Соединенных Штатов прицелился из револьвера и, по калифорнийскому обычаю,скомандовал «руки вверх!». Дух вскочил с бешеным воплем и туманом пронесся меж них, потушив у Вашингтона свечу и оставив всех во тьме кромешной. На верхней площадке он немного отдышался и решил разразиться своим знаменитым дьявольским хохотом, который не раз приносил ему успех. Говорят, от него за ночь поседел парик лорда Рейкера, и этот хохот, несомненно, был причиной того, что три французских гувернантки леди Кентервиль заявили об уходе, не прослужив в доме и месяца. И он разразился самым своим ужасным хохотом, так что отдались звонким эхом старые своды замка. Но едва смолкло страшное эхо, как растворилась дверь, и к нему вышла миссис Отис в бледно-голубом капоте.

- Боюсь, вы расхворались, - сказала она. - Я принесла вам микстуру доктора Добелла. Если вы страдаете несварением желудка, она вам поможет.

Дух метнул на нее яростный взгляд и приготовился обернуться черной собакой - талант, который принес ему заслуженную славу и воздействием коего домашний врач объяснил неизлечимое слабоумие дяди лорда Кентервиля, почтенного Томаса Хортон. Но звук приближающихся шагов заставил его отказаться от этого намерения. Он удовольствовался тем, что стал слабо фосфоресцировать, и в тот момент, когда его уже настигли близнецы, успел, исчезая, испустить тяжелый кладбищенский стон.

Добравшись до своего убежища, он окончательно потерял самообладание и впал в жесточайшую тоску. Невоспитанность близнецов и грубый материализм миссис Отис крайне его шокировали; но больше всего его огорчило то, что ему не удалось облечься в доспехи. Он полагал, что даже нынешние американцы почувствуют робость, узрев привидение в доспехах, - ну хотя бы из уважения к своему национальному поэту Лонгфелло, над изящной и усладительной поэзией которого он просиживал часами, когда Кентервили переезжали в город. К тому же это были его собственные доспехи. Он очень мило выглядел в них на турнире в Кенильворте и удостоился тогда чрезвычайно лестной похвалы от самой королевы-девственницы. Но теперь массивный нагрудник и стальной шлем оказались слишком тяжелы для него, и, надев доспехи, он рухнул на каменный пол, разбив колени и пальцы правой руки.

Он не на шутку занемог и несколько дней не выходил из комнаты, - разве что ночью, для поддержания в должном порядке кровавого пятна. Но благодаря умелому самоврачеванию он скоро поправился и решил, что в третий раз попробует напугать посла и его домочадцев. Он наметил себе пятницу семнадцатого августа и в канун этого дня допоздна перебирал свой гардероб, остановив наконец выбор на высокой широкополой шляпе с красным пером, саване с рюшками у ворота и на рукавах и заржавленном кинжале. К вечеру начался ливень, и ветер так бушевал, что все окна и двери старого дома ходили ходуном. Впрочем, подобная погода была как раз по нем. План его был таков: первым делом он тихонько проберется в комнату Вашингтона Отиса и постоит у него в ногах, бормоча себе что-то под нос, а потом под звуки заунывной музыки трижды пронзит себе горло кинжалом. К Вашингтону он испытывал особую неприязнь, так как прекрасно знал, что именно он взял в обычай стирать знаменитое Кентервильское Кровавое Пятно Образцовым Пинкертоновским Очистителем. Доведя этого безрассудного и непочтительного юнца до полной протрации, он проследует затем в супружескую опочивальню посла Соединенных Штатов и возложит покрытую холодным потом руку на лоб миссис Отис, нашептывая тем временем ее трепещущему мужу страшные тайны склепа. Насчет маленькой Вирджинии он пока ничего определенного не придумал. Она ни

разу его не обидела и была красивой и доброй девочкой. Здесь можно обойтись несколькими глухими стонами из шкафа, а если она не проснется, он подергает дрожащими скрюченными пальцами ее одеяло. А вот близнецов он проучит как следует. Перво-наперво он усядется им на грудь, чтобы они заметались от привидевшихся кошмаров, а потом, поскольку их кровати стоят почти рядом, застынет между ними в образе холодного, позеленевшего трупа и будет так стоять, пока они не омертвеют от страха. Тогда он сбросит саван и, обнажив свои белые кости, примется расхаживать по комнате, вращая одним глазом, как полагается в роли Безглазого Даниила, или Скелета-самоубийцы. Это была очень сильная роль, ничуть не слабее его знаменитого Безумного Мартина, или Сокрытой Тайны, и она не раз производила сильное впечатление на зрителей.

В половине одиннадцатого он догадался по звукам, что вся семья отправилась на покой. Ему еще долго мешали дикие взрывы хохота, – очевидно, близнецы с беспечностью школьников резвились перед тем, как отойти ко сну, но в четверть двенадцатого в доме воцарилась тишина, и, только пробило полночь, он вышел на дело. Совы бились о стекла, ворон каркал на старом тисовом дереве, и ветер блуждал, стелая, словно неприкаянная душа, вокруг старого дома. Но Отисы спокойно спали, не подозревая ни о чем, в храп посла заглушал дождь и бурю. Дух со злобной усмешкой на сморщенных устах осторожно вышел из панели. Луна сокрыла свой лик за тучей, когда он крался мимо окна фонарем, на котором золотом и лазурью были выведены его герб и герб убитой им жены. Все дальше скользил он зловещей тенью; мгла ночная и та, казалось, взирала на него с отвращением.

Вдруг ему почудилось, что кто-то окликнул его, и он замер на месте, но это только собака залаяла на Красной ферме. И он продолжал свой путь, бормоча никому теперь не понятные ругательства XVI века и размахивая в воздухе заржавленным кинжалом. Наконец он добрался до поворота, откуда начинался коридор, ведущий в комнату злосчастного Вашингтона. Здесь он переждал немного. Ветер развеивал его седые космы и свертывал в неопишимо ужасные складки его могильный саван. Пробило четверть, и он почувствовал, что время настало. Он самодовольно хихикнул и повернул за угол; но едва он ступил шаг, как отшатнулся с жалостным воплем и закрыл побледневшее лицо длинными костлявыми руками. Прямо перед ним стоял страшный призрак, недвижимый, точно изваяние, чудовищный, словно бред безумца. Голова у него была лысая, гладкая, лицо толстое, мертвенно-бледное; гнусный смех свел черты его в вечную улыбку. Из глаз его струились лучи алого света, рот был как широкий огненный колодец, а безобразная одежда, так похожая на его собственную, белоснежным саваном окутывала могучую фигуру. На груди у призрака висела доска с непонятной надписью, начертанной старинными буквами. О страшном позоре, должно быть, вещала она, о грязных пороках, о диких злодействах. В поднятой правой руке его был зажат меч из блестящей стали.

Никогда доселе не видав привидений, дух Кентервиля, само собой разумеется, ужасно перепугался и, взглянув еще раз краешком глаза на страшный призрак, кинулся восвояси. Он бежал, не чуя под собою ног, путаясь в складках савана, а заржавленный кинжал уронил по дороге в башмак посла, где его поутру нашел дворецкий. Добравшись до своей комнаты и почувствовав себя в безопасности, дух бросился на свое жесткое ложе и спрятал голову под одеяло. Но скоро в нем проснулась былая кентервильская отвага, и он решил, как только рассветет, пойти и заговорить с другим привидением. И едва заря окрасила холмы серебром, он вернулся туда, где встретил ужасный призрак. Он понимал, что, в конце концов, чем больше привидений, тем лучше, и надеялся с помощью нового сотоварища управиться с близнецами. Но когда он очутился на прежнем месте, страшное зрелище открылось его взору. Видно, что-то недоброе стряслось с призраком. Свет потух в его пустых глазницах, блестящий меч выпал у него из рук, и весь он как-то неловко и неестественно опирался о стену. Дух Кентервиля подбежал к нему, обхватил его руками, как вдруг – о, ужас! – голова покатила по полу,

туловище переломилось пополам, и он увидел, что держит в объятиях кусок белого полога, а у ног его валяются метла, кухонный нож и пустая тыква. Не зная, чем объяснить это странное превращение, он дрожащими руками поднял доску с надписью и при сером утреннем свете разобрал такие страшные слова:

ДУХ ФИРМЫ ОТИС!

Единственный подлинный и оригинальный призрак. Остерегайтесь подделок! Все остальные - не настоящие!

Ему стало все ясно. Его обманули, перехитрили, провели! Глаза его зажглись прежним кентервильским огнем; он заскрежетал беззубыми деснами и, воздев к небу изможденные руки, поклялся, следуя лучшим образцам старинной стилистики, что, не успеет Шантеклер дважды протрубить в свой рог, как свершатся кровавые дела и убийство неслышным шагом пройдет по этому дому.

Едва он произнес эту страшную клятву, как вдалеке с красной черепичной крыши прокричал петух. Дух залился долгим, глухим и злым смехом и стал ждать. Много часов прождал он, но петух почему-то больше не запел. Наконец около половины восьмого шаги горничных вывели его из оцепенения, и он вернулся к себе в комнату, горя о несбывшихся планах и напрасных надеждах. Там, у себя, он просмотрел несколько самых своих любимых книг о старинном рыцарстве и узнал из них, что всякий раз, когда произносилась эта клятва, петух пел дважды.

- Да сгубит смерть бессовестную птицу! - забормотал он. - Настанет день, когда мое копьё в твою вонзится трепетную глотку и я услышу твой предсмертный хрип.

Потом он улегся в удобный свинцовый гроб и оставался там до темноты.

4

Наутро дух чувствовал себя совсем разбитым. Начинало сказываться огромное напряжение целого месяца. Его нервы были вконец расшатаны, он вздрагивал от малейшего шороха. Пять дней он не выходил из комнаты и наконец махнул рукой на кровавое пятно. Если оно не нужно Отисам, значит, они недостойны его. Очевидно, они жалкие материалисты, совершенно неспособные оценить символический смысл сверхчувственных явлений. Вопрос о небесных знамениях и о фазах астральных тел был, конечно, не спорим, особой областью и, по правде говоря, находился вне его компетенции. Но его священной обязанностью было появляться еженедельно в коридоре, а в первую и третью среду каждого месяца усаживаться у окна, что выходит фонарем в парк, и бормотать всякий вздор, и он не видел возможности без урона для своей чести отказаться от этих обязанностей. И хотя земную свою жизнь он прожил безнравственно, он проявлял крайнюю добропорядочность во всем, что касалось мира потустороннего. Поэтому следующие три субботы он, по обыкновению, от полуночи до трех прогуливался по коридору, всячески заботясь о том, чтобы его не услышали и не увидели. Он ходил без сапог, стараясь как можно легче ступать по источенному червями полу; надевал широкий черный бархатный плащ и никогда не забывал тщательнейшим образом протереть свои цепи машинным маслом «Восходящее солнце демократической партии». Ему, надо сказать, нелегко было прибегнуть к этому последнему средству безопасности. И все же как-то вечером, когда семья сидела за обедом, он пробрался в комнату к мистеру Отису и стащил бутылочку машинного масла. Правда, он чувствовал себя немного униженным, но только поначалу. В конце концов благоразумие взяло верх, и он признался себе, что изобретение это имеет свои достоинства и в некотором отношении может сослужить ему службу. Но как ни был он осторожен, его не оставляли в покое. То и дело он спотыкался в темноте о веревки,

протянутые поперек коридора, а однажды, одетый для роли Черного Исаака, или Охотника из Хоглейских лесов, он поскользнулся и сильно расшибся, потому что близнецы натерли маслом пол от входа в гобеленовую залу до верхней площадки дубовой лестницы. Это так разозлило его, что он решил в последний раз стать на защиту своего поправленного достоинства и своих прав и явиться в следующую ночь дерзким воспитанникам Итона в знаменитой роли Отважного Рупера, или Безголового Графа.

Он не выступал в этой роли более семидесяти лет, с тех пор как до того напугал прелестную леди Барбару Модисш, что она отказала своему жениху, деду нынешнего лорда Кентервиля, и убежала в Гретна-Грин с красавцем Джеком Каслтоном; она заявила при этом, что ни за что на свете не войдет в семью, где считают позволительным, чтоб такие ужасные призраки разгуливали в сумерки по террасе. Бедный Джек вскоре погиб на Вондсвортском лугу от пули лорда Кентервиля, а сердце леди Барбары было разбито, и она меньше чем через год умерла в Танбридж-Уэллс, – так что это выступление в любом смысле имело огромный успех. Однако для этой роли требовался очень сложный грим, – если допустимо воспользоваться театральным термином применительно к одной из глубочайших тайн мира сверхъестественного, или, по-научному, «естественного мира высшего порядка», – и он потратил добрых три часа на приготовления. Наконец все было готово, и он остался очень доволен своим видом. Большие кожаные ботфорты, которые полагались к этому костюму, были ему, правда, немного велики, и один из седельных пистолетов куда-то запропастился, но в целом, как ему казалось, он приоделся на славу. Ровно в четверть второго он выскользнул из панели и прокрался по коридору. Добравшись до комнаты близнецов (она, кстати сказать, называлась «Голубой спальней», по цвету обоев и портьер), он заметил, что дверь немного приоткрыта. Желая как можно эффектнее обставить свой выход, он широко распахнул ее... и на него опрокинулся огромный кувшин с водой, который пролетел на вершок от его левого плеча, промочив его до нитки. В ту же минуту он услышал взрывы хохота из-под балдахина широкой постели.

Нервы его не выдержали. Он кинулся со всех ног в свою комнату и на другой день слег от простуды. Хорошо еще, что он выходил без головы, а то не обошлось бы без серьезных осложнений. Только это его и утешало.

Теперь он оставил всякую надежду запугать этих грубиянов американцев и большей частью довольствовался тем, что бродил по коридору в войлочных туфлях, замотав шею толстым красным шарфом, чтобы не простыть, и с маленькой аркебузой в руках на случай нападения близнецов. Последний удар был нанесен ему девятнадцатого сентября. В этот день он спустился в холл, где, как он знал, его никто не потревожит, и про себя поиздевался над сделанными у Сарони большими фотографиями посла Соединенных Штатов и его супруги, заменившими фамильные портреты Кентервилей. Одет он был просто, но аккуратно, в длинный саван, кое-где попорченный могильной плесенью. Нижняя челюсть его была подвязана желтой косынкой, а в руке он держал фонарь и заступ, какими пользуются могильщики. Собственно говоря, он был одет для роли Ионы Непогребенного, или Похитителя Трупов с Чертсейского Гумна, одного из своих лучших созданий. Эту роль прекрасно помнили все Кентервилы, и не без причины, ибо как раз тогда они поругались со своим соседом лордом Раффордом. Было уже около четверти третьего, и сколько он ни прислушивался, не слышно было ни шороха. Но когда он стал потихоньку пробираться к библиотеке, чтобы взглянуть, что осталось от кровавого пятна, из темного угла внезапно выскочили две фигурки, исступленно замахали руками над головой и завопили ему в самое ухо: «У-у-у!»

Охваченный паническим страхом, вполне естественным в данных обстоятельствах, он кинулся к лестнице, но там его подкарауливал Вашингтон с большим садовым опрыскивателем; окруженный со всех сторон врагами и буквально припертый к стенке, он юркнул в большую железную печь, которая, к счастью, не была затоплена, и по трубам пробрался в свою комнату

- грязный, растерзанный, исполненный отчаяния.

Больше он не предпринимал ночных вылазок. Близнецы несколько раз устраивали на него засады и каждый вечер, к великому неудовольствию родителей и прислуги, посыпали пол в коридоре ореховой скорлупой, но все безрезультатно. Дух, по-видимому, счел себя настолько обиженным, что не желал больше выходить к обитателям дома. Поэтому мистер Отис снова уселся за свой труд по истории демократической партии, над которым работал уже много лет; миссис Отис организовала великолепный, поразивший все графство пикник на морском берегу, - все кушанья были приготовлены из моллюсков; мальчики увлеклись лакроссом, покером, юкром и другими американскими национальными играми. А Вирджиния каталась по аллеям на своем пони с молодым герцогом Чеширским, проводившим в Кентервильском замке последнюю неделю своих каникул. Все решили, что привидение от них съехало, и мистер Отис известил об этом в письменной форме лорда Кентервиля, который в ответном письме выразил по сему поводу свою радость и поздравил достойную супругу посла.

Но Отисы ошиблись. Привидение не покинуло их дом и, хотя было теперь почти инвалидом, все же не думало оставлять их в покое, - особенно с тех пор, как ему стало известно, что среди гостей находится молодой герцог Чеширский, двоюродный внук того самого лорда Фрэнсиса Стилтона, который поспорил однажды на сто гиней с полковником Карбери, что сыграет в кости с духом Кентервиля; поутру лорда Стилтона нашли на полу ломберной разбитого параличом, и, хотя он дожил до преклонных лет, он мог произнести лишь два слова: «шестерка дубль». Эта история в свое время очень нашумела, хотя из уважения к чувствам обеих благородных семей ее всячески старались замять. Подробности ее можно найти в третьем томе сочинения лорда Тэттла «Воспоминания о принце-регенте и его друзьях». Духу, естественно, хотелось доказать, что он не утратил прежнего влияния на Стилтонов, с которыми к тому же состоял в дальнем родстве: его кузина была замужем вторым браком за монсеньером де Балкли, а от него, как всем известно, ведут свой род герцоги Чеширские.

Он даже начал работать над возобновлением своей знаменитой роли Монах-вампира, или Бескровный Бенедиктинец, в которой решил предстать перед юным поклонником Вирджинии. Он был так страшен в этой роли, что когда его однажды, в роковой вечер под новый 1764 год, увидела старая леди Стартап, она издала несколько истошных криков, и с ней случился удар. Через три дня она скончалась, лишив Кентервилей, своих ближайших родственников, наследства и оставив все своему лондонскому аптекарю.

Но в последнюю минуту страх перед близнецами помешал привидению покинуть свою комнату, и маленький герцог спокойно проспал до утра под большим балдахином с плюмажами в королевской опочивальне. Во сне он видел Вирджинию.

5

Несколько дней спустя Вирджиния и ее златокудрый кавалер поехали кататься верхом на Броклейские луга, и она, пробираясь сквозь живую изгородь, так изорвала свою амазонку, что, вернувшись домой, решила потихоньку от всех подняться к себе по черной лестнице. Когда она пробежала мимо гобеленовой залы, дверь которой была чуточку приоткрыта, ей показалось, что в комнате кто-то есть, и, полагая, что это камеристка ее матери, иногда сидевшая здесь с шитьем, она собралась было попросить ее зашить платье. К несказанному ее удивлению, это оказался сам кентервильский дух! Он сидел у окна и следил взором, как облетает под ветром непрочная позолота с пожелтевших деревьев и как в бешеной пляске мчатся по длинной аллее красные листья. Голову он уронил на руки, и вся поза его выражала безнадежное отчаянье. Таким одиноким, таким дряхлым показался он маленькой Вирджинии, что она, хоть и подумала сперва убежать и запереться у себя, пожалела его и захотела утешить. Шаги ее были

так легки, а грусть его до того глубока, что он не заметил ее присутствия, пока она не заговорила с ним.

- Мне очень жаль вас, - сказала она. - Но завтра мои братья возвращаются в Итон, и тогда, если вы будете хорошо себя вести, вас никто больше не обидит.

- Глупо просить меня, чтобы я хорошо вел себя, - ответил он, с удивлением разглядывая хорошенькую девочку, которая решилась заговорить с ним, - просто глупо! Мне положено греметь цепями, стонать в замочные скважины и разгуливать по ночам - если ты про это. Но в этом же весь смысл моего существования!

- Никакого смысла тут нет, и вы сами знаете, что были скверный. Миссис Амни рассказала нам еще в первый день после нашего приезда, что вы убили жену.

- Допустим, - сварливо ответил дух, - но это дела семейные и никого не касаются.

- Убивать вообще нехорошо, - сказала Вирджиния, которая иной раз проявляла милую пуританскую нетерпимость, унаследованную ею от какого-то предка из Новой Англии.

- Терпеть не могу ваш дешевый, беспредметный ригоризм! Моя жена была очень дурна собой, ни разу не сумела прилично накрахмалить мне брыжи и ничего не смыслила в стряпне. Ну хотя бы такое: однажды я убил в Хоглейском лесу оленя, великолепного самца-одногодка, - как ты думаешь, что нам из него приготовили? Да что теперь толковать, - дело прошлое! И все же, хоть я и убил жену, по-моему, не очень любезно было со стороны моих шуринов заморить меня голодом.

- Они заморили вас голодом? О господин дух, то есть, я хотела сказать, сэр Симон, вы, наверно, голодный? У меня в сумке есть бутерброд. Вот, пожалуйста!

- Нет, спасибо. Я давно ничего не ем. Но все же ты очень добра, и вообще ты гораздо лучше всей своей противной, невоспитанной, вульгарной и бесчестной семьи.

- Не смейте так говорить! - крикнула Вирджиния, топнув ножкой. - Сами вы противный, невоспитанный, гадкий и вульгарный, а что до честности, так вы сами знаете, кто таскал у меня из ящика краски, чтобы рисовать это дурацкое пятно. Сперва вы забрали все красные краски, даже киноварь, и я не могла больше рисовать закаты, потом взяли изумрудную зелень и желтый хром; и напоследок у меня остались только индиго и белила, и мне пришлось рисовать только лунные пейзажи, а это навевает тоску, да и рисовать очень трудно. Я никому не сказала, хоть и сердилась. И вообще все это просто смешно: ну где видали вы кровь изумрудного цвета?

- А что мне оставалось делать? - сказал дух, уже не пытаясь спорить. Теперь непросто достать настоящую кровь, и поскольку твой братец пустил в ход свой Образцовый Очиститель, я счел возможным воспользоваться твоими красками. А цвет, знаешь ли, кому какой нравится. У Кентервилей, к примеру, кровь голубая, самая голубая во всей Англии. Впрочем, вас, американцев, такого рода вещи не интересуют.

- Ничего вы не понимаете. Поехали бы лучше в Америку, да подучились немного. Папа с радостью устроит вам бесплатный билет, и хотя на спиртное и, наверно, на спиритическое пошлина очень высокая, вас на таможне пропустят без всяких. Все чиновники там - демократы. А в Нью-Йорке вас ждет колоссальный успех. Я знаю многих людей, которые дали бы сто тысяч долларов за обыкновенного деда, а за семейное привидение - и того больше.

- Боюсь, мне не понравится ваша Америка.
- Потому что там нет ничего допотопного или диковинного? - съязвила Вирджиния.
- Ничего допотопного? А ваш флот? Ничего диковинного? А ваши нравы?
- Прощайте! Пойду попрошу папу, чтобы он оставил близнецов дома еще на недельку.
- Не покидайте меня, мисс Вирджиния! - воскликнул дух. - Я так одинок, так несчастен! Право, я не знаю, как мне быть. Мне хочется уснуть, а я не могу.
- Что за глупости! Для этого надо только улечься в постель и задуть свечу. Не уснуть куда труднее, особенно в церкви. А уснуть совсем просто. Это и грудной младенец сумеет.

- Триста лет я не ведал сна, - печально промолвил дух, и прекрасные голубые глаза Вирджинии широко раскрылись от удивления. - Триста лет я не спал, я так истомился душой!

Вирджиния сделалась очень печальной, и губки ее задрожали, как лепестки розы. Она подошла к нему, опустилась на колени и заглянула в его старое, морщинистое лицо.

- Бедный мой призрак, - прошептала она, - разве негде тебе лечь и уснуть?

- Далеко-далеко, за сосновым бором, - ответил он тихим, мечтательным голосом, - есть маленький сад. Трава там густая и высокая, там белеют звезды цикуты, и всю ночь там поет соловей. Он поет до рассвета, и холодная хрустальная луна глядит с вышины, а исполинское тисовое дерево простирает свои руки над спящими.

Глаза Вирджинии заволкли слезами, и она спрятала лицо в ладони.

- Это Сад Смерти? - прошептала она.

- Да, Смерти. Смерть, должно быть, прекрасна. Лежишь в мягкой сырой земле, и над тобою колышутся травы, и слушаешь тишину. Как хорошо не знать ни вчера, ни завтра, забыть время, простить жизнь, изведать покой. В твоих силах помочь мне. Тебе легко отворить врата Смерти, ибо с тобой Любовь, а Любовь сильнее Смерти.

Вирджиния вздрогнула, точно ее пронизал холод; воцарилось короткое молчание. Ей казалось, будто она видит страшный сон.

И опять заговорил дух, и голос его был как вздохи ветра.

- Ты читала древнее пророчество, начертанное на окне библиотеки?

- О, сколько раз! - воскликнула девочка, вскинув головку. - Я его наизусть знаю. Оно написано такими странными черными буквами, что их сразу и не разберешь. Там всего шесть строчек:

Когда заплачет, не шутя,
Здесь златокудрое дитя,
Молитва утолит печаль,
И зацветет в саду миндаль -
Тогда взликует этот дом,
И дух уснет, живущий в нем.

Только я не понимаю, что все это значит.

- Это значит, - печально промолвил дух, - что ты должна оплакать мои прегрешения, ибо у меня самого нет слез, и помолиться за мою душу, ибо нет у меня веры. И тогда, если ты всегда была доброй, любящей и нежной, Ангел Смерти смилуется надо мной. Страшные чудовища явятся тебе в ночи и станут нашептывать злые слова, но они не сумеют причинить тебе вред, потому что вся злокозненность ада бессильна пред чистотою ребенка.

Вирджиния не отвечала, и, видя, как низко склонила она свою златокудрую головку, дух принялся в отчаянии ломать руки. Вдруг девочка встала. Она была бледна, и глаза ее светились удивительным огнем.

- Я не боюсь, - сказала она решительно. - Я попрошу Ангела помиловать вас.

Едва слышно вскрикнув от радости, он поднялся на ноги, взял ее руку, и наклонившись со старомодной грацией, поднес к губам. Пальцы его были холодны как лед, губы жгли как огонь, но Вирджиния не дрогнула и не отступила, и он повел ее через полутемную залу. Маленькие охотники на поблекших зеленых гобеленах трубили в свои украшенные кистями рога и махали крошечными ручками, чтоб она вернулась назад. «Вернись, маленькая Вирджиния! - кричали они. - Вернись!»

Но дух крепче сжал ее руку, и она закрыла глаза. Пучеглазые чудовища с хвостами ящериц, высеченные на камине, смотрели на нее и шептали: «Берегись, маленькая Вирджиния, берегись! Что, если мы больше не увидим тебя?» Но дух скользил вперед все быстрее, и Вирджиния не слушала их.

Когда они дошли до конца залы, он остановился и тихо произнес несколько непонятных слов. Она открыла глаза и увидела, что стена растаяла, как туман, и за ней разверзлась черная пропасть. Налетел ледяной ветер, и она почувствовала, как кто-то потянул ее за платье.

- Скорее, скорее! - крикнул дух. - Не то будет поздно.

И деревянная панель мгновенно сомкнулась за ними, и гобеленовый зал опустел.

6

Когда минут через десять гонг зазвонил к чаю И Вирджиния не спустилась в библиотеку, миссис Отис послала за ней одного из лакеев. Вернувшись, он объявил, что не мог сыскать ее. Вирджиния всегда выходила под вечер за цветами для обеденного стола, и поначалу у миссис Отис не возникло никаких опасений. Но когда пробило шесть, а Вирджинии все не было, мать не на шутку встревожилась и велела мальчикам искать сестру в парке, а сама вместе с мистером Отисом обошла весь дом. В половине седьмого мальчики вернулись и сообщили, что не обнаружили никаких следов Вирджинии. Все были крайне встревожены и не знали, что предпринять, когда вдруг мистер Отис вспомнил, что позволил цыганскому табору остановиться у него в поместье. Он тотчас отправился со старшим сыном и двумя работниками в Блэкфелский лог, где, как он знал, стояли цыгане. Маленький герцог, страшно взволнованный, во что бы то ни стало хотел идти с ними, но мистер Отис боялся, что будет драка, и не взял его. Цыган на месте уже не было, и, судя по тому, что костер еще теплился и на траве валялись кастрюли, они уехали в крайней спешке. Отправив Вашингтона и работников осмотреть окрестности, мистер Отис побежал домой и разослал телеграммы полицейским инспекторам по всему графству, прося разыскать маленькую девочку, похищенную бродягами или цыганами. Затем он велел подать коня и, заставив жену и мальчиков сесть за обед, поскакал с грумом по дороге, ведущей в Аскот. Но не успели они отъехать и двух миль, как услышали за собой стук копыт. Оглянувшись, мистер Отис увидел,

что его догоняет на своем пони маленький герцог, без шляпы, с раскрасневшимся от скачки лицом.

- Простите меня, мистер Отис, - сказал мальчик, переводя дух, - но я не могу обедать, пока не сыщется Вирджиния. Не сердитесь, но если б в прошлом году вы согласились на нашу помолвку, ничего подобного не случилось бы. Вы ведь не отошлете меня, правда? Я не хочу домой и никуда не уеду!

Посол не сдержал улыбки при взгляде на этого милого ослушника. Его глубоко тронула преданность мальчика, и, нагнувшись с седла, он ласково потрепал его по плечу.

- Что ж, ничего не поделаешь, - сказал он, - коли вы не хотите вернуться, придется взять вас с собой, только надо будет купить вам в Аскоте шляпу.

- Не нужно мне шляпы! Мне нужна Вирджиния! - засмеялся маленький герцог, и они поскакали к железнодорожной станции.

Мистер Отис спросил начальника станции, не видел ли кто на платформе девочки, похожей по приметам на Вирджинию, но никто не мог сказать ничего определенного. Начальник станции все же протелеграфировал по линии и уверил мистера Отиса, что для розысков будут приняты все меры; купив маленькому герцогу шляпу в лавке, владелец которой уже закрывал ставни, посол поехал в деревню Бексли, что в четырех милях от станции, где, как ему сообщили, был большой общинный выпас и часто собирались цыгане. Спутники мистера Отиса разбудили сельского полисмена, но ничего от него не добились и, объехав луг, повернули домой. До замка они добрались только часам к одиннадцати, усталые, разбитые, на грани отчаяния. У ворот их дожидались Вашингтон и близнецы с фонарями: в парке было уже темно. Они сообщили, что никаких следов Вирджинии не обнаружено. Цыган догнали на Броклейских лугах, но девочки с ними не было. Свой внезапный отъезд они объяснили тем, что боялись опоздать на Чертонскую ярмарку, так как перепутали день ее открытия. Цыгане и сами встревожились, узнав об исчезновении девочки, и четверо из них остались помогать в розысках, поскольку они были очень признательны мистеру Отису за то, что он позволил им остановиться в поместье. Обыскали пруд, славившийся карпами, обшарили каждый уголок в замке - все напрасно. Было ясно, что в эту по крайней мере ночь Вирджинии с ними не будет. Мистер Отис и мальчики, опустив голову, пошли к дому, а грум вел за ними обоих лошадей и пони. В холле их встретило несколько измученных слуг, а в библиотеке на диване лежала миссис Отис, чуть не обезумевшая от страха и тревоги; старуха домоправительница смачивала ей виски одеколоном. Мистер Отис уговорил жену покушать и велел подать ужин. Это был грустный ужин. Все приуныли, и даже близнецы притихли и не баловались: они очень любили сестру.

После ужина мистер Отис, как ни упрашивал его маленький герцог, отправил всех спать, заявив, что ночью все равно ничего не сделаешь, а утром он срочно вызовет по телеграфу сыщиков из Скотланд-Ярда. Когда они выходили из столовой, церковные часы как раз начали отбивать полночь, и при звуке последнего удара что-то вдруг затрещало и послышался громкий возглас. Оглушительный раскат грома сотряс дом, звуки неземной музыки полились в воздухе; и тут на верхней площадке лестницы с грохотом отвалился кусок панели, и, бледная как полотно, с маленькой шкатулкой в руках, из стены выступила Вирджиния.

В мгновение ока все были возле нее. Миссис Отис нежно обняла ее, маленький герцог осыпал ее пылкими поцелуями, а близнецы принялись кружиться вокруг в дикой воинственной пляске.

- Где ты была, дитя мое? - строго спросил мистер Отис: он думал, что она сыграла с ними какую-то злую шутку. - Мы с Сеслом объехали пол-Англии, разыскивая тебя, а мама чуть не

умерла от страха. Никогда больше не шути так с нами.

- Дурачить можно только духа, только духа! - вопили близнецы, прыгая как безумные.

- Милая моя, родная, нашлась, слава Богу, - твердила миссис Отис, целуя дрожащую девочку и разглаживая ее спутанные золотые локоны, - никогда больше не покидай меня.

- Папа, - сказала Вирджиния спокойно, - я провела весь вечер с духом. Он умер, и вы должны пойти взглянуть на него. Он был очень дурным при жизни, но раскаялся в своих грехах и подарил мне на память эту шкатулку с чудесными драгоценностями.

Все глядели на нее в немом изумлении, но она оставалась серьезной и невозмутимой. И она повела их через отверстие в панели по узкому потайному коридорчику; Вашингтон со свечой, которую он прихватил со стола, замыкал процессию. Наконец они дошли до тяжелой дубовой двери на больших петлях, утыканной ржавыми гвоздями. Вирджиния прикоснулась к двери, та распахнулась, и они очутились в низенькой каморке со сводчатым потолком и зарешеченным окошком. К огромному железному кольцу, вделанному в стену, был прикован цепью страшный скелет, распростертый на каменном полу. Казалось, он хотел дотянуться своими длинными пальцами до старинного блюда и ковш, поставленных так, чтоб их нельзя было достать. Ковш, покрытый изнутри зеленой плесенью, был, очевидно, когда-то наполнен водой. На блюде осталась лишь горстка пыли. Вирджиния опустилась на колени возле скелета и, сложив свои маленькие ручки, начала тихо молиться; пораженные, созерцали они картину ужасной трагедии, тайна которой открылась им.

- Смотрите! - воскликнул вдруг один из близнецов, глянув в окно, чтобы определить, в какой части замка находится каморка. - Смотрите! Сухое миндальное дерево расцвело. Светит луна, и мне хорошо видны цветы.

- Бог простил его! - сказала Вирджиния, вставая, И лицо ее словно озарилось лучезарным светом.

- Вы ангел! - воскликнул молодой герцог, обнимая и целуя ее.

7

Четыре дня спустя после этих удивительных событий, за час до полуночи, из Кентервильского замка тронулся траурный кортеж. Восемь черных коней везли катафалк, и у каждого на голове качался пышный страусовый султан; богатый пурпурный покров с вытканым золотом гербом Кентервилей был наброшен на свинцовый гроб, и слуги с факелами шли по обе стороны экипажей - процессия производила неизгладимое впечатление. Ближайший родственник усопшего лорд Кентервиль, специально прибывший на похороны из Уэльса, ехал вместе с маленькой Вирджинией в первой карете. Потом ехал посол Соединенных Штатов с супругой, за ними Вашингтон и три мальчика. В последней карете сидела миссис Амни - без слов было ясно, что, поскольку привидение пугало ее больше пятидесяти лет, она имеет право проводить его до могилы. В углу погоста, под тисовым деревом, была вырыта огромная могила, и преподобный Огастес Дэмпир с большим чувством прочитал заупокойную молитву. Когда пастор умолк, слуги, по древнему обычаю рода Кентервилей, потушили свои факелы, а когда гроб стали опускать в могилу, Вирджиния подошла к нему и возложила на крышку большой крест, сплетенный из белых и розовых цветов миндаля. В этот миг луна тихо выплыла из-за тучи и залила серебром маленькое кладбище, а в отдаленной роще раздались соловьиные трели. Вирджиния вспомнила про Сад Смерти, о котором рассказывал дух. Глаза ее наполнились слезами, и всю дорогу домой она едва проронила слово.

На следующее утро, когда лорд Кентервиль стал собираться обратно в Лондон, мистер Отис завел с ним разговор о драгоценностях, подаренных Вирджинии привидением. Они были великолепны, особенно рубиновое ожерелье в венецианской оправе – редкостный образец работы XVI века; их ценность была так велика, что мистер Отис не считал возможным разрешить своей дочери принять их.

– Милорд, – сказал он, – я знаю, что в вашей стране закон о «мертвой руке» распространяется как на земельную собственность, так и на фамильные драгоценности, и у меня нет сомнения, что эти вещи принадлежат вашему роду или, во всяком случае, должны ему принадлежать. Посему я прошу вас забрать их с собой в Лондон и впредь рассматривать как часть вашего имущества, возвращенную вам при несколько необычных обстоятельствах. Что касается моей дочери, то она еще ребенок и пока, слава Богу, не слишком интересуется всякими дорогими безделушками. К тому же миссис Отис сообщила мне, – а она, должен сказать, провела в юности несколько зим в Бостоне и прекрасно разбирается в искусстве, – что за эти безделушки можно выручить солидную сумму. По причине вышеизложенного, лорд Кентервиль, я, как вы понимаете, не могу согласиться, чтобы они перешли к кому-нибудь из членов моей семьи. Да и вообще вся эта бессмысленная мишура, необходимая для поддержания престижа британской аристократии, совершенно ни к чему тем, кто воспитан в строгих и, я бы сказал, непоколебимых принципах республиканской простоты. Не скрою, впрочем, что Вирджинии очень хотелось бы сохранить, с вашего позволения, шкатулку в память о вашем несчастном заблудшем предке. Вещь эта старая, ветхая, и вы, быть может, исполните ее просьбу. Я же со своей стороны, признаться, крайне удивлен, что моя дочь проявляет такой интерес к средневековью, и способен объяснить это лишь тем, что Вирджиния родилась в одном из пригородов Лондона, когда миссис Отис возвращалась из поездки в Афины.

Лорд Кентервиль с должным вниманием выслушал почтенного посла, лишь изредка принимаясь теревить седой ус, чтобы скрыть невольную улыбку. Когда мистер Отис кончил, лорд Кентервиль крепко пожал ему руку.

– Дорогой сэръ, – сказал он, – ваша прелестная дочь немало сделала для моего злополучного предка, сэра Симона, и я, как и все мои родственники, весьма обязан ей за ее редкую смелость и самоотверженность. Драгоценности принадлежат ей одной, и если бы я забрал их у нее, я проявил бы такое бессердечие, что этот старый грешник, самое позднее через две недели, вылез бы из могилы, дабы отравить мне остаток дней моих. Что же касается их принадлежности к майорату, то в него не входит вещь, не упомянутая в завещании или другом юридическом документе, а об этих драгоценностях нигде нет ни слова. Поверьте, у меня на них столько же прав, сколько у вашего дворецкого, и я не сомневаюсь, что, когда мисс Вирджиния подрастет, она с удовольствием наденет эти украшения. К тому же вы забыли, мистер Отис, что купили замок с мебелью и привидением, а тем самым к вам отошло все, что принадлежало привидению. И хотя сэръ Симон проявлял по ночам большую активность, юридически он оставался мертв, и вы законно унаследовали все его состояние.

Мистер Отис был весьма огорчен отказом лорда Кентервиля и просил его еще раз хорошенько все обдумать, но добродушный пэр остался непоколебим и в конце концов уговорил посла оставить дочери драгоценности; когда же весной 1890 года молодая герцогиня Чеширская представлялась королеве по случаю своего бракосочетания, ее драгоценности оказались предметом всеобщего внимания. Ибо Вирджиния получила герцогскую корону, которую получают в награду все благонравные американские девочки. Она вышла замуж за своего юного поклонника, едва он достиг совершеннолетия, и они оба были так милы и так влюблены друг в друга, что все радовались их счастью, кроме старой маркизы Дамблтон, которая пыталась пристроить за герцога одну из своих семи незамужних дочек, для чего дала не менее трех обедов, очень дорого ей стоивших. Как ни странно, но к недовольным поначалу примкнул

и мистер Отис. При всей своей любви к молодому герцогу, он, по теоретическим соображениям, оставался Врагом любых титулов и, как он заявлял, «опасался, что расслабляющее влияние приверженной наслаждениям аристократии может поколебать незыблемые принципы республиканской простоты». Но его скоро удалось уговорить, и когда он вел свою дочь под руку к алтарю церкви святого Георгия, что на Ганновер-сквер, то во всей Англии, мне кажется, не нашлось бы человека более гордого собой.

По окончании медового месяца герцог и герцогиня отправились в Кентервильский замок и на второй день пошли на заброшенное кладбище близ сосновой рощи. Долго не могли они придумать эпитафию для надгробия сэра Симона и под конец решили просто вытесать там его инициалы и стихи, начертанные на окне библиотеки. Герцогиня убрала могилу розами, которые принесла с собой, и, немного постояв над нею, они вошли в полуразрушенную старинную церковку. Герцогиня присела на упавшую колонну, а муж, расположившись у ее ног, курил сигарету и глядел в ее ясные глаза. Вдруг он отбросил сигарету, взял герцогиню за руку и сказал:

- Вирджиния, у жены не должно быть секретов от мужа.

- А у меня и нет от тебя никаких секретов, дорогой Сесл.

- Нет, есть, - ответил он с улыбкой. - Ты никогда не рассказывала мне, что случилось, когда вы заперлись вдвоем с привидением.

- Я никому этого не рассказывала, Сесл, - сказала Вирджиния серьезно.

- Знаю, но мне ты могла бы рассказать.

- Не спрашивай меня об этом, Сесл, я правда не могу тебе рассказать. Бедный сэр Симон! Я столько ему обязана! Нет, не смейся, Сесл, это в самом деле так. Он открыл мне, что такое Жизнь, и что такое Смерть, и почему Любовь сильнее Жизни и Смерти.

Герцог встал и нежно поцеловал свою жену.

- Пусть эта тайна остается твоей, лишь бы сердце твое принадлежало мне, шепнул он.

- Оно всегда было твоим, Сесл.

- Но ты ведь расскажешь когда-нибудь все нашим детям? Правда?

Вирджиния залилась краской от смущения.